

18+

Галина Вильченко

Чёрная полоса в Алькиной жизни

Галина Вильченко

Чёрная полоса в Алькиной жизни

«Издательские решения»

Вильченко Г.

Чёрная полоса в Алькиной жизни / Г. Вильченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968632-9

Жизнь полосатая: то светлая полоса, то чёрная. Вот только в Алькиной жизни светлые полосы узкие, а чёрные широкие. Любимый мужчина женится на другой, девушка, которой она искренне хотела помочь — предаёт. Сбережения, на которые она собиралась прожить год — тают, как снег весной. Кажется, конца не видно этой чёрной полосе. Но есть верные подруги и друзья, которые всегда придут на помощь. Надо только доверять им и самой что-то изменить в жизни.

ISBN 978-5-44-968632-9

© Вильченко Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Чёрная полоса в Алькиной жизни

Галина Вильченко

© Галина Вильченко, 2019

ISBN 978-5-4496-8632-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Аля два часа сидела у окна и ждала Кирилла. И опять не дождалась. Уже прошло пять дней, как он приехал из командировки, но не давал о себе никаких вестей. Подруги, которые навещали её каждый день, о нём ничего не знали. Несколько раз Аля звонила к нему на работу, ей отвечали, что Васин в командировке. Но Аля знала, что его командировка закончилась несколько дней назад, и Кирилл приехал домой живой и невредимый. Стрелки часов уверенно совершили свой путь по кругу, и подошли к цифре семь. Закончились часы посещения, вахтёрша тётя Даша закрыла дверь на засов, женщины разбрелись по палатам, и каждая занялась своим делом. Кто-то читал книгу, кто-то вязал, кто-то спал, но большинство женщин просто разговаривали. Разговоры были разные: об артистах, о косметике и парфюмерии, обсуждали современную моду, и, конечно, мужчин и детей. Но любимой темой разговоров был секс. В шутку эти разговоры Аля называла секс-час, но сама в них участие принимала редко, она предпочитала чтение. Однако, краем уха слушала, о чём беседовали соседки по палате. В палате было девять кроватей, семь женщин лежали на сохранении, две кровати отводилось женщинам, делающим аборт. Вчера к ним положили совсем ещё девчонку, которой не исполнилось и восемнадцать лет, делать аборт она не хотела, родители заставляли. В противном случае грозили выгнать из дома, а идти той было некуда. Юля, так звали девушку, училась на первом курсе педагогического института, парень её служил в Морфлоте. Его родители признавать её не хотели, а от него самого не было никаких известий. Девушка плакала, уткнувшись в подушку. Сердобольные женщины старались успокоить её, приводили множества доводов в пользу аборта: надо учиться, устроиться в жизни, получить жилье, найти работу. А со временем и парень найдётся, который её полюбит.

– Но я Пашу люблю, и он меня любит! – доказывала девушка.

– И куда же делся твой Паша? – ехидно спросила одна из женщин. – Почему тебе не пишет?

– Он не может мне написать, он же в армии!

– Ну и что, что в армии?! Разве в армии запрещают письма любимым девушкам писать? Или он у тебя служит в сверхсекретных войсках?

– Откуда я знаю?! Его в Морфлот забирали, а куда он попал – не знаю. Я же от него ещё ни одного письма не получила.

– А сама писала?

– Нет, я не знаю, куда писать.

– Так он что, не знает, что ты беременна от него?

– Нет, когда он уходил в армию, я ещё сама ничего не знала. И что я скажу ему, когда он вернётся?

– Да ничего не скажешь, за два года у вас вся любовь пройдёт. Или сколько там сейчас в Морфлоте служат?

– Кажется, три года, – подсказал кто-то из женщин.

– А если не пройдёт? И у меня потом не будет детей?

– Почему сразу не будет? Да если ты хочешь знать, то многие студентки делают аборты, а потом выходят замуж, рожают детей и вполне счастливы, потому что у них хватило ума получить профессию и работу, и не кричать на каждом углу о сделанном в юности аборте. А теперь представь, что будет, если ты родишь против воли родителей? Жилья нет, работы нет, образования нет! Да и мужа тоже нет и неизвестно, будет ли.

– Почему сразу не будет мужа? – удивилась одна из женщин. – Она девушка симпатичная, даже если и родит, всё равно выйдет замуж. Вас послушать, так с рождением ребёнка жизнь заканчивается, если штампа в паспорте нет. Ерунда! Если мужчина любит, ему всё равно, есть

у его избранницы ребёнок, или нет. А если не любит, то зачем он такой нужен? Я замужем второй раз, а первый раз вышла рано, в восемнадцать лет, дочку родила. И что? Через два месяца он ушёл, а я облегчённо вздохнула, такой жмот оказался и ревнивец, что описать трудно. Мне ничего нельзя было купить без его ведома не только себе, но и дочке. Это я ещё могла вытерпеть, в конце концов, у меня были свои деньги, о которых он не знал. Как ни странно, но у меня хватило ума не сказать ему о своих сбережениях.

– Откуда же у тебя сбережения были в восемнадцать лет? – усмехнулся кто-то.

– Я рано начала работать, ещё в школе училась, меня мама каждое лето устраивала к себе на завод. Она говорила, что ей одной тяжело будет мне приданое собрать, я тогда обижалась на неё очень. Все подружки летом отдыхали, на юг ездили, а я работала. Только потом, когда сама стала матерью, поняла её.

– А как твоя мама восприняла известие о твоей женитьбе? – поинтересовалась Юля.

– Как и все матери, у которых дочери торопятся стать взрослыми. Нет, она мне скандалы не устраивала, но переживала очень и плакала, думала, что я не вижу. С мужем хорошо я прожила недели две, а потом началось! Это не одевай, туда не ходи, лишнего не покупай. Жуть! Вы представляете, он не разрешал покупать дочке смеси, требовал, чтобы я кормила грудью, а у меня молока не было. Идиот! Так что, Юля, поверь моему опыту, иногда лучше жить без мужа, чем с мужем. Что же касается мужчин, то всегда можно найти любовника, который не будет тобой помыкать и просить есть.

– Ты, Надежда, рассуждаешь, как проститутка, – хмыкнул кто-то.

– Я рассуждаю как трезвомыслящая женщина. Что же касается тебя, Юля, то не надо ссориться с родителями, они тебя любят и хотят, чтобы у тебя в жизни всё было хорошо.

– Но я люблю Пашу! – воскликнула Юля.

– И что? Люби, кто тебе не дает?

– Все не дают! Мои родители, его родители, все как будто сговорились! – Юля ещё громче зарыдала и выбежала из палаты.

– Зачем вы её доводите? Ей и так несладко приходится, парень ушёл в армию и пропал, а она должна одна решить свалившиеся на неё проблемы. Если не родит, то он может потом предъявить ей претензии и бросить, скажет, что она скрыла от него свою беременность, потому что не хотела рожать от него. А если родит, а он скажет, что ребёнок ему не нужен и никто её рожать не просил? Опять плохо, – заступилась за девушку Аля.

– Хитрее надо быть, пусть делает аборт, а своему Паше о беременности говорить не надо совсем. Не знает он о ней сейчас, пусть не знает и в будущем.

– Тогда получится, что она его всю жизнь будет обманывать, – не согласилась одна из женщин.

– Он мог бы о ней позаботиться, знал же, что его родители настроены против неё...

– Так он же не знал, что она беременна!

– Или не хотел знать...

– Несладко ей, видите ли, приходится! А в постельке с мужиком валяться сладко было? Вот пускай и помучается теперь, в следующий раз подумает, прежде чем шашни заводить, – зло проговорила толстая тётка у окна.

Звали тётку Александра Титовна Демченко, работала она в детском саду поваром. В свои двадцать пять лет выглядела она на все сорок. У неё было круглое лицо, нос картошкой, полные губы, маленькие, заплывшие жиром глаза и вечно сальные чёрные волосы. Её руки в объёме были в два раза больше Алькиной ноги, а ноги – чуть больше Алькиной талии. Увидев Александру первый раз, Алька сразу вспомнила книгу Франсуа Рабле о великанах «Гаргантюа и Пантагрюэль», которую пыталась прочитать в детстве, но так и не дочитала до конца. Видно, тетка являлась дальней родственницей этих великанов. Зато мужа себе она нашла в стране лилипутов. Маленький, шупленький, и какой-то бесцветный: бесцветные редкие волосики не прикры-

вали розовую лысину, маленькие бесцветные глазки смотрели настороженно из-под бесцветных бровей и ресниц. Бледные губы были еле видны на узком лице. Вместе они составляли такую уморительную пару, что смотреть на них без улыбки было нельзя. Александра уже не первый раз пыталась родить, но каждый раз терпела неудачу. Альке она не нравилась: тётка была на редкость злой и неопрятной. У нее на тумбочке всегда стояла грязная посуда, валялись огрызки и крошки от хлеба. Ко всем она цеплялась, всех критиковала и добрым словом никого не поддержала. К себе же требовала повышенного внимания и заботы.

– Интересно, тебе можно валяться в постельке с мужиком, а ей нельзя? – спросила Алька, – или у тебя святое зачатие и твой малыш тут ни при чем?

– Я валяюсь с законным мужем, а не с первым попавшимся кобелем, – зло ответила Демченко.

– А почему ты решила, что она валяется с первым попавшимся? Может, он у неё вообще первый и единственный будет? Или ты сама не была молодой? – наседали на Демченко Аля.

– Я и сейчас не старуха, но валяюсь в постели только с законным мужем, – Демченко посмотрела на Альку осуждающим злым взглядом.

– Тоже мне законница выискалась, – пробурчала Аля. – Это не ты с ними не валяешься, это они с тобой не валяются.

– Да твоего и мужиком нельзя назвать, так, дух бесплотный. И ребёночка ты выносить не можешь, потому что злая. А бог там, наверху, всё видит. Вот Алька добрая – ей бог двоих даст, а ты злая – не будет у тебя детей. Своих не родишь, а чужие сами у тебя жить не захотят, – тихо сказала Марфа Петровна, тридцати девятилетняя женщина, которая лежала рядом с Алькой.

– Что ты мелешь, монашка чёртова! Да я тебе за твое карканье сейчас по шее надаю! – Александра поднялась и направилась в сторону Марфы Петровны. Та даже не шелохнулась.

– Тебе нельзя вставать, забыла? – усмехнулась Марфа Петровна. – А уж совершать какие-нибудь движения, кроме принятия пищи, тем более – похудеть можешь. Да и пришибить тебя ненароком могу. Ты не связывайся со мной, Александра. Я ведь школу жизни не в монастыре проходила, а в более суровых заведениях. Так что ложись в свою кроватку и постарайся как можно больше молчать, чтобы не накликать беду на свою глупую и пустую башку. Всё, я тебе больше ничего не скажу, ты не стоишь моего внимания. И убери всю грязь с тумбочки, иначе разводиться здесь тараканов. Не можешь сама за собой убирать, пусть твой муж убирает, а прислуживать тебе никто не обязан. И не помышай тётей Дашей, она всё же постарше тебя, засранки, будет. Можешь завтра пожаловаться на меня Валентине Андреевне, я разрешаю, – Марфа Петровна отвернулась к стене и накрылась с головой одеялом.

Александра стояла около её кровати с открытым ртом. Впрочем, рты были открыты у всех. Марфа Петровна лежала в их палате уже третий день, ни с кем из женщин больше, чем двумя словами не перекидывалась, поэтому её монолог всех удивил. Почему она оказалась в лагере, интересовало почти всех, но независимо от причины, симпатии она завоевала у всех женщин девятой палаты. Александра стояла с открытым ртом минуты три, не меньше, потом развернулась и молча легла в свою кровать.

Алька встала, накинула фланелевый синий больничный халат и вышла из палаты. В коридоре никого не было, из палат доносились гулкие голоса, да слышался нервный смех из палаты напротив, где лежали женщины, делающие аборт. Они боялись предстоящей операции, но старались спрятать свой страх за излишней весёлостью и беспечностью. Аля прошла весь коридор и заглянула во все углы. Юли нигде не было. Она уже собралась вернуться в палату, как что-то её насторожило. Алька подошла к запасному входу и приоткрыла дверь, снизу слышались приглушенные всхлипы. Девушка вышла на лестницу и спустилась на первый этаж. Юля сидела под лестницей на деревянном ящике, нахохлившись, как мокрый воробей в дождливую погоду. Рядом стоял ещё один ящик, на полу лежала пустая консервная банка с несколькими

окурками. Место служило курилкой для курящих женщин, лежащих в гинекологии. Юля уже перестала рыдать и теперь еле слышно всхлипывала. Алька села рядом и обняла её за плечи:

– Успокойся, Юленька, всё будет хорошо. И мама с папой тебя любят, они переживают за тебя. А с детьми действительно незачем торопиться, тут женщины правы, надо самой на ноги встать, специальность получить, стать независимой от родителей, да и от мужа тоже. Ты же такая молоденькая, ещё неизвестно, что ты будешь говорить через год.

– Тебе самой, сколько лет? – тихо спросила Юля.

– Двадцать три будет в этом году, – машинально ответила Аля, хотя ей совсем недавно исполнилось двадцать два.

– Да? Ты молодо выглядишь, я думала мы ровесники.

– Это потому, что я маленькая и худая. Как в народе говорят: маленькая собачка до старости щенков. Так это про меня. Хотя, знаешь, в душе мне всё ещё шестнадцать лет. Я очень хочу ребёнка, но вот как его буду воспитывать, представления не имею. Мне кажется, я его избалую. У меня есть кот, его зовут Плутон, от слова плут, так этот проходимец у меня по голове ходит, творит что хочет: по столу лазает, цветы ест, будит меня часов в шесть утра, еды требует, а ест только рыбу да мясо, мышей не хочет ловить. А представь, ребёнок будет?! Я на кота шикнуть не могу, а на ребёнка тем более не смогу. Одна надежда, что папа будет воспитывать его по-мужски. Кирилл хочет мальчика и уверен, что будет мальчик. Он всегда во всём уверен. А я хочу девочку.

– Тебе хорошо, у тебя муж есть, а я даже не знаю, где Паша, он прислал только одно письмо, на Дальнем Востоке был, в учебке. Из них подводников готовят. Паша будет гидроакустиком, это тот, который в наушниках слушает и определяет, где что плывет.

– Вот видишь, он тебе всё же прислал письмо, а в палате ты говорила, что писем от него не получала. А ему ты писала? Ты сообщила ему о своей беременности?

– Я ответила на его первое письмо, но тогда я ещё не знала, что беременна. Больше писем от него не получала, поэтому и не писала.

– Знаешь, Юля, ты дура набитая! – вскричала Алька. – Слёзы льёшь, а написать любимому, что он, возможно, скоро станет отцом, не догадалась.

– Так он же мне сам не пишет! Ты что, считаешь, что я должна вешаться ему на шею?

– Ты же сама только что говорила, что любишь его, так борись за свою любовь. Тебя трудно понять, то ты говоришь, что он тебя бросит, если узнает, что ты аборт сделала, то не хочешь вешаться ему на шею. Почему ты не хочешь написать ему о своей беременности?

– Напишу, и что он тогда обо мне подумает?

– А что он может подумать? Только то, что ты хочешь родить его ребёнка, – пожала плечами Аля.

– А если я рожу, а он скажет, что ребёнок не его? Тебе хорошо говорить, у тебя муж есть...

– У меня тоже не всё так хорошо, как кажется. Мы с Кириллом пока ещё не поженились. Его мама против меня настроена. Он, конечно, надеется её уговорить, но я уверена, что у него ничего не получится. Так что придётся нам в тайне от его мамы расписываться. А у меня никого нет. Отца я помню очень плохо, он с нами не жил, но когда я была маленькая, приезжал к нам. Мы гуляли в парке и даже сфотографировались вместе: мама, папа и я. Мама погибла в автомобильной аварии, когда мне было тринадцать лет. Я с бабушкой жила, она умерла совсем недавно, осенью. Вот ей Кирилл очень понравился, она даже свои тайны поведала не мне, а ему. Я очень люблю Кирилла, а он относится ко мне как к неразумной девчонке, но мне это даже нравится. Вот только я боюсь, что его мама меня всё-таки не примет. Я же не образованная, продавщицей работаю в универмаге, в отделе верхней женской одежды. Учиться не хотела, восемь классов закончила и в ГПТУ пошла. Нас, детдомовских девчонок, в основном посылали учиться в строительные ПТУ на штукатуров-маляров. Но бабушка настояла, что бы я

в продавцы шла, говорит, всегда в тепле будешь. Она у меня почти тридцать лет на стройке отработала, а мама врачом на скорой помощи работала. На скорой помощи и погибла. Пьяный идиот на грузовике врезался в их машину.

– А у меня родители на заводе работают. Папа инженер, а мама экономист. А у Паши и папа и мама в типографии работают, вот только я не знаю кем. Паша говорил, но я забыла, профессии у них мне не знакомые. Я никогда не думала, что мои родители могут со мной так поступить. Была в них уверена. Мне всегда казалось, что у нас идеальная семья. Я не помню, чтобы мама с папой ругались, даже если папа бывает чем-то недоволен и начинает высказывать маме свои претензии, она быстро и умело превращала всё в шутку. На неё даже невозможно было сердиться. Я всегда чувствовала их любовь к себе, поэтому и была так огорошена их реакцией на мою беременность. Если бы ты видела и слышала, что было у нас дома, когда они узнали про беременность, и что срок у меня три месяца, – девушка снова заплакала.

Алька гладила Юлю по волосам и молчала. Она думала, как бы отреагировала её мама, узнай, что дочка, которую она растила и лелеяла, которой ещё нет восемнадцати лет, беременна? Нет, мама ни за что бы из дома не выгнала бы, и на аборт против воли не отправила бы. Мама, мама, почему тебя нет сейчас рядом со мной? Как сейчас пригодились бы твоя любовь, опыт и совет. Алька вдруг почувствовала себя такой одинокой и несчастной, ей стало так жалко себя, что она тоже заплакала. Минут десять они обе плакали, затем успокоились, и Юля продолжила свой рассказ:

– Меня обозвали последними словами. Кричали, что сидеть с моим ребёнком они не будут, так как сами ещё молодые, образование я не получу и буду всю жизнь мыть полы и мести улицы. Мама сказала, что мне и бросать институт не придётся, так как меня отчислят за аморальное поведение. Педагог, оказывается, не имеет права рожать детей на первом курсе института. В общем, много чего говорили, я была так ошарашена, что плохо понимала, что происходит. Потом родители успокоились и стали решать, как спасти мою грешную душу и не дать загубить свою жизнь в начале жизненного пути. У меня ведь прошли все сроки, когда можно делать аборт, срок уже больше двенадцати недель. Они достали справку, что я безнадежно чем-то больна и роды мне вредны и опасны для жизни. Я отказывалась ложиться в больницу, они пообещали выгнать меня из дома. Вот у тебя какой резус?

– Как у большинства людей – положительный. С этой стороны у меня всё в порядке.

– А у меня отрицательный, а Пашин я не знаю. Понимаешь, у меня ведь может не быть потом детей, а родителям всё равно. И что я Паше скажу? Прости, милый, я не захотела нашего ребёнка? – Юля опять заплакала.

– Юль, а ты уверена в своём Паше? Он точно тебя не бросит? – спросила Аля, подозрительно посмотрев на девушку.

– Уверена.

– Как-то у тебя всё странно: ты в нём уверена, но боишься ему написать о ребёнке, думаешь, что он его не признает. Ты, Юля, или совсем не уверена в Павле, или... – Аля замаялась на секунду, – это ребёнок не Павла.

– Павла, – заверила Юля. – Вообще-то, о беременности мы не думали. Про учёбу говорили, про работу, обсуждали, где жить будем. А вот о детях не думали. У меня даже в мыслях не было, что я могу забеременеть, но когда узнала, восприняла спокойно. Моя мама меня тоже рано родила. Я думала, что если девушка забеременела от любимого парня, то парень на ней женится, она рождает ребёнка, и они вместе живут долго и счастливо – как у моих родителей было. А тут выясняется, что не всегда парень женится на девушке, иногда он просто исчезает из её жизни, иногда заставляет делать аборт, иногда признается, что никогда её не любил, просто проводил время с красивой девчонкой, иногда клянется в любви, но детей не хочет, потому что это лишние заботы, а ему ещё хочется погулять.

– Это тебе мама рассказала? – усмехнулась Аля.

– Нет, девчонки в институте делились своим жизненным опытом. Аля, ты не знаешь Пашу! Таких парней как он, больше нет на свете. Он не только красивый, но и честный, и благородный, среди моих знакомых он такой единственный. А знакомых у меня много.

– Тогда плюнь на всё и рожай. И своему благородному Павлу напиши всю правду, пусть готовится папашей стать.

– А где мне жить? На что жить? Да и как жить? Я же ничего не умею, даже кашу манную варить.

– Поживи у меня пока, но мне кажется, когда у твоих родителей пройдет шок, они тебя и с ребёнком примут, и любить внука будут, и институт ты закончишь.

Юля удивлённо посмотрела на Альку.

– Ты это серьёзно?

– Конечно, серьёзно. Они же любят тебя, беспокоятся о тебе.

– Я не про родителей, а про то, что мне можно будет пожить у тебя.

– Серьёзно, у меня хороший дом, ты не смотри, что он частный, он лучше некоторых квартир. У меня и водопровод есть, и ванная, и газ. Это отец провёл, не сам конечно, но он это всё устроил. У нас на улице у всех всё проведено, поэтому его до сих пор благодарят, хотя даже и не знают, кто он такой и жив ли сейчас.

– Аля, но ты сама ещё можешь оказаться у разбитого корыта.

– Я верю Кириллу, но даже если и случится что-нибудь, то вдвоём всегда веселее. Ты будешь учиться, а я с детьми сидеть.

– А кто будет зарабатывать деньги?

– У меня есть скромные сбережения, я, когда пошла работать, откладывала ползарплаты на сберкнижку. И ещё у меня есть страховка детская, меня мама застраховала до восемнадцати лет, платила каждый месяц четыре рубля девяносто копеек. А после гибели мамы уже бабушка платила, хотя я и жила в детском доме. На какое-то время нам хватит. Решай Юля. И запомни, лучше сожалеть о том, что сделала, чем о том, что не сделала. Тем более, что потом детей может не быть. У меня есть подруги, Ася и Лариса, так вот, Юля, они остались одни в семнадцать лет. У них умерли родители, но и институт они закончили, и работу нашли. И ты найдешь себе работу, будешь учиться и работать.

– Алька, я ничего не умею, где я смогу работать? Полы мыть? Упаси господи, уборщицей я не буду, даже если мне придется голодать!

– А что тут такого? Полы тоже кто-то должен мыть, и если хочешь знать, то многие студентки как раз и подрабатывают уборщицами. Не хочешь мыть полы, можешь еще устроиться в детский садик ночной нянечкой, у тебя день будет свободным, можешь посвятить его учёбе и ребёнку.

– Да я даже не знаю, как к ребёнку подходить надо, – усмехнулась Юля.

– Ты же в педагогическом учишься, так что тебе всё равно придется научиться ладить с детьми. Юля, не бойся жизненных трудностей, поставь перед собой цель и двигайся к ней. Пойдём в палату, все, наверное, уже спят, да и холодно здесь.

– В палату не хочу идти, там эта толстуха противная, так хочется ей в рожу плюнуть. С трудом себя сдерживаю. Как вы только её терпите?

– Она теперь молчать будет, её Марфа Петровна так отбрила, любо дорого было слышать. Ты знаешь, эта Марфа сказала, что бог пошлёт мне двоих детей. Интересно, она просто так сказала или умеет предсказывать будущее? – Алька задумалась.

– Ты что, веришь в гадалок и предсказателей? – удивилась Юля.

– Не знаю, но так хочется, чтобы мне предсказали что-нибудь очень хорошее, и это предсказание сбылось. Пойдём.

– Я не пойду, меня завтра с утра пораньше в операционную заберут.

– Ты скажи, что передумала.

- Понимаешь, мои родители уже заплатили деньги за аборт. Врачиха теперь сделает мне его под любым предлогом. Ведь не захочет же она вернуть деньги?!
- А кому они заплатили?
- Не знаю, они говорили, что врачу, не называя имени.
- Знаешь что? У меня есть знакомый доктор, пойдём, я позвоню ему, и он что-нибудь придумает, – Алька встала и потянула Юлю за руку.

Глава 2

Девушки поднялись на свой этаж и осторожно выглянули в коридор. На посту медицинской сестры никого не было. Стояла тишина. Девушки на цыпочках пробрались до ординаторской и прислушались. До их уха донеслись постанывания и поскрипывания. Ясно, медсестра Леночка и подрабатывающий студент Яша были заняты. Алька быстро прошла на пост медсестры, сняла телефонную трубку и набрала номер телефона Алексея. К телефону никто не подошёл. Тогда она набрала номер генерала. Трубку сняли после третьего гудка.

– Слушаю, – прозвучал встревоженный голос Дарьи Сергеевны.

– Добрый день, Дарья Сергеевна, это Голубева.

– Какая Голубева?

– Аля.

– Сейчас не день, Алька, а ночь. Что случилось? Ты же в больнице лежала, я надеюсь с больницей всё в порядке?

– В порядке, не волнуйтесь. Дарья Сергеевна, мне срочно нужен Алексей.

– Аля, говори громче, тебя плохо слышно.

– Я не могу громче, меня услышат. Мне нужен Алексей, – нетерпеливо повторила она.

– Он сегодня дежурит в роддоме. Аля, у тебя точно всё в порядке? Почему ты звонишь ночью? Зачем тебе Алексей?

– Да, всё в порядке, не волнуйтесь.

– Если ты не скажешь, что у тебя случилось и зачем тебе Алексей, я приеду сам и разберусь на месте! – вдруг прозвучал решительный и требовательный голос Василия Ивановича.

– Не надо приезжать, я его сама найду, – испугалась Алька и положила трубку.

– Даже не знаю, повезло нам или нет, Лёшка сегодня дежурит, – тихо сказала она.

– Где дежурит?

– В роддоме. Что будем делать? Пойдём его искать?

Они стояли минут пять и решали, что делать. Роддом вот он, через дорогу, надо только незаметно выбраться на улицу и перейти небольшую тропинку. Но сейчас зима и выходить на улицу в одном халате и тапках было не желательно – можно и заболеть. Стащить одежду у медсестры или у студента Яши они побоялись и надели по два халата, позаимствовав их у соседок по палате, справедливо решив, что ночью халаты им ни к чему. На улицу выбралась без проблем через чёрный ход. Быстро добежали до роддома, но дальше приёмного покоя их не пустили. Пожилая женщина в грязном, когда-то белом, а теперь непонятного серого цвета, халате, никак не хотела звать Алексея, твердя, что её обязанность охранять вход, а не бегать по этажам. Алька уже совсем было собралась от бессилия закатить скандал, но вдруг в конце коридора показалась заведующая их отделением Алёна Борисовна Кунина. Увидав Альку и Юлю, Алёна Борисовна очень удивилась:

– Вы что здесь делаете? – спросила она, внимательно и тревожно оглядывая их.

– Мы, это... Мы ищем Алексея, – пролепетала Аля.

– Какого Алексея?

– Сиренева, мне сказали, что он сегодня дежурит.

Алёна Борисовна Кунина была лучшей подругой Алиной мамы, познакомились они во время учёбы в институте, продолжали дружить и после окончания института. Аля звала её тётей Алёной и некоторое время жила у неё после гибели мамы. Ей очень хотелось рассказать, зачем им нужен Алексей, но она не знала, кому из врачей заплатили родители Юли. А вдруг Алёне? Тогда она Юльке только хуже сделает.

– Аля? – потрясла её за плечо Алёна Борисовна. – Что с тобой? Ты меня слышишь? Алексей Александрович не может подойти, у него срочная операция.

– Тогда мы его подождём здесь, нам очень надо.

– Вот что, девочки, пойдёте куда-нибудь, поговорим без свидетелей и в тишине, – Алёна Борисовна завела их в небольшую комнатку со всеми атрибутами гинекологического кабинета, усадила девушек на кушетку, сама села на стул напротив:

– Рассказывайте, что вы задумали? – велела она.

Юля заплакала. Она боялась всех врачей, а заведующую отделением, где ей предстояла нежеланная операция, тем более. Алёна тревожно посмотрела на доктора и тоже заплакала.

– Так, сейчас я присоединюсь к вам, и получится у нас почти как у Пушкина: три девицы под окном, ныли поздно вечером. Быстро рассказывайте, что случилось.

Перебивая друг друга, и продолжая всхлипывать, девушки рассказали, зачем им понадобился Алексей.

– Значит, если я вас правильно поняла, ты, Юля, не хочешь прерывать беременность? – обратилась Алёна Борисовна к Юле.

– Да, её заставляют родители, – ответила за неё Алёна.

– И вы хотите, чтобы Алексей защитил её?

– Да.

– А почему именно он?

– Я больше никого не знаю, а он свой, – тихо сказала Алёна.

– Почему ты, Алёна, не пришла ко мне? Ты что же, мне не доверяешь?

– Я же только сегодня с Юлей поговорила, вас уже не было в отделении. И потом, я не знаю, кому заплатили её роди... – Алёна вдруг замолчала на полуслове и виновато посмотрела на доктора.

Алёна Борисовна молчала. Она очень внимательно рассматривала обеих девушек. Те сидели, низко опустив головы.

– Значит так. Я поговорю с твоими родителями, Юля. В любом случае ты пока останешься в стационаре. И не бойся, никто тебя не тронет. А теперь пойдёте, я отведу вас в отделение.

Около гинекологического корпуса стояла чёрная «волга». Громкий возмущенный мужской голос доносился через открытую форточку.

– Что-то у нас случилось, – сказала Алёна Борисовна, – наверное, привезли какую-нибудь родственницу кого-нибудь начальника. Сейчас у меня появится работёнка.

– Ага, появится – меня ругать. Это машина генерала, и бушует он сам. Алёна Борисовна, мы через чёрный вход пройдем, можно? – усмехнулась Алёна.

– Что вы натворили?

– Ничего. Просто генерал обещал приехать посмотреть, на месте ли больница стоит. И приехал, – пояснила Алёна.

– Тогда чего боитесь? Пошли, надо уговорить мужчину, а то он разбудит всех.

Они вошли в вестибюль и сразу же столкнулись со студентом Яшей.

– Вот она, полюбуйтесь! Жива и здорова! – обрадовался он.

Из приёмного покоя вышел Василий Иванович:

– Ты где шляешься по ночам? – налетел на Алёну генерал.

Девушка вжала голову в плечи и исподлобья смотрела на генерала испуганными глазами.

– Я вот с Алёной Борисовной была... – промямлила Алёна и посмотрела на доктора, ища поддержку и защиту.

– Вы почему подняли такой шум? Где находитесь? Здесь вам не полигон, а больница! Причём ночь! Девочки, отправляйтесь в палату, а мы с Василием Ивановичем побеседуем. Пойдёмте, генерал, – Алёна Борисовна усмехнулась и направилась в свой кабинет. Иволгин последовал за ней, виновато извиняясь:

– Понимаешь, она позвонила, говорит, Лёшка ей нужен. Громко разговаривать не может, что случилось, не говорит. Я и решил проверить, всё ли у вас в порядке. Приезжаю, а её в палате нет, поискали, не нашли. Вот я и разошёлся. Думал, вдруг опять похитили? Ты не сердись на меня, ладно? – оправдывался Василий Иванович.

– Да не сержусь я! Куда Кирилл твой пропал? Алька от окна не отходит, его ждёт.

– В командировке.

– Да не в командировке, уже дней пять, как приехал.

– Алёна, раз не приходит, значит, не может. Не маленькая, сама должна понимать, – недовольно пробурчал Василий Иванович.

– Тебе чаю налить? – спросила его Алёна Борисовна.

– Наливай. Как у неё дела?

– Неважно, даже представить себе не могу, как она сумеет выносить и родить ребёнка. Да ещё, мне кажется, у неё двойня будет. Все признаки налицо. Аля на мать похожа, такая же маленькая и худенькая. И такая же задиристая. Вы помните Милу?

– Конечно. Я познакомился с ней давно, ещё во время войны, она тогда ребёнком была. Шустрая такая, хоть и маленькая. А Алькиного отца знал только подолгу службы. Честно тебе скажу, я требовал от Милы прервать связь с Липатом. Он был женат, и старше её лет на пятнадцать, но она никого и слушать не хотела.

– Липата я тоже знала. Их роман развивался у нас на глазах. Мы тогда ещё на четвертом курсе учились, жили в общежитии, в одной комнате. А познакомились они прямо на улице. У нас закончилась сессия, и это радостное событие надо было отметить. Вот и отправились мы в местный винный магазинчик кое-что прикупить. У Милы была авоська с двумя бутылками какого-то дорого, как нам казалось, вина. Она засмотрелась на что-то и столкнулась с мужчиной. Сказать по правде, мужчина так себе. Среднего роста, прямые короткие темно-русые волосы, овальное лицо, глаза серые и так далее, если вы его знаете, то его внешность представляете. Такой весь серенький какой-то. Мила выпустила сумку из рук и одна из бутылок разбилась. Он долго извинялся, купил нам две бутылки дорого коньяка, и чуть ли не силой проводил до общежития. Это мы потом сообразили, что он хотел узнать, где мы живём. А на следующий день мы разъехались по домам на каникулы, и как он её нашел, я не знаю. Да и Мила сама тоже не знала. Я их встретила совершенно случайно в парке около фонтана. И Мила радостно сообщила, что она влюбилась. У меня с Семёном тоже роман был, вот мы с ней и звонили друг другу, делились впечатлениями и опытом. А потом Семён погиб, и мне все кругом не мило было. И у Милы тоже что-то не заладилось. Он оказался женат, но она его всё равно любила. Они встречались тайно. Вначале он приезжал к ней, а потом перестал. Она к нему сама ездила. Куда, никому не говорила, только возвращалась счастливая и к телефону бегала на любой звонок, ждала известий от него. А родили мы почти в одно время, разница всего в две недели. Мы хотели институт бросить, да баба Тоня не позволила, сама Альку и Кольку растила. Учёба закончилась, мы вернулись домой. Живём мы в разных концах города, поэтому видеться совсем редко стали. Она на «скорой» работала, вот и встречались, если она какую-нибудь беду привезёт в моё дежурство, но так разве поговоришь? Так только: как дела, нормально и пока. Правда, праздники вместе встречали – Новый год, День медицинского работника, Восьмое марта.

– Да не так уж и редко вы встречались, – усмехнулся Иволгин. – Если хочешь знать, иногда мне казалось, что вы не подруги, а сестры, хоть внешне совсем не похожи.

– Во время похорон Милы Аля как воробушек сидела на табуретке и смотрела в одну точку. Такая жалкая. Баба Тоня тяжело переживала гибель дочери, слегла. А Альку я к себе забрала. Она у меня жила почти полгода, а потом её в детдом отправили. Да я сама виновата была, обидела её, вот она и ушла от меня. Потом хотела забрать её из детского дома, но Аля не захотела больше у меня жить, неожиданно для меня, она прижилась там. Я боялась, что

её дразнить будут из-за глаз, но нет. Она быстро подружилась с детьми, и прозвище получила не Косая, как в школе, а от фамилии – Голубка. Но мою несправедливую пощечину помнить до сих пор, не очень мне свою душу открывает. И когда я навещала её в детском доме, то вообще старалась мне в глаза не смотреть, хотя я и извинилась перед ней. А когда она поступила в училище, я её уже не видела. Мне кажется, она меня избегала. Когда меня вызвали в травматологию, я Алю сразу узнала. Уж очень она на Милу похожа, да и мало изменилась, так и не выросла. Так кто же он такой, этот Липат?

– Да мужик как мужик, только голова умная и пост занимает на одном из секретных заводов. Большой пост! Есть семья, двое детей, девчонка и парень. Когда Липат влюбился в Милу, его супруга забила тревогу. Знаешь как у нас: партком, профком. Разводиться ему не разрешили, вплоть до исключения из партии. Вот и жил мужик на два лагеря, поэтому и встречался тайно с Милой. Да об их встречах у нас, конечно, знали. Такие люди в нашей конторе всегда под наблюдением. Ты знаешь, теперь, когда и Милы, и бабы Тони нет в живых, могу сказать тебе: Мила не дочь бабы Тони. Она была сиротой уже до начала войны, её родителей арестовали в тридцать седьмом, мать сослали, отца обвинили в шпионаже и расстреляли. Милу отправили в детский дом, но она сбежала оттуда. Девочка ведь не знала, что мамы и папы уже нет в живых, и отправилась их искать. Её быстро подобрали домущники, девчонка была просто гуттаперчевая, могла забраться в любую форточку, вот её и использовали. Её поймали, и, выяснив, что она дочь врагов народа, отправили в колонию для малолетних преступников, но и оттуда она снова сбежала, но уже не маму с папой искать, а в знак протеста. Кто её родители она уже знала, в то, что они враги народа – не верила. На этот раз её подобрали цыгане. Что с ней стало бы дальше, сказать трудно, началась война. Девочка бродяжничала, оказалась на оккупированной территории, воровала в немецком госпитале медикаменты и передавала их парню, который сотрудничал с партизанами. Но делала она это совсем не из патриотических чувств, а за кусок хлеба. Однажды она попала на глаза одному немецкому офицеру, который поймал её и привёл в комендатуру, скорее всего, девочку угнали бы в Германию, но я со своим другом помогли ей бежать, а баба Тоня спрятала её в подвале и держала там, пока в комендатуре не махнули рукой на маленькую воровку и перестали её искать. Во время своего вынужденного заточения Мила и прошла два класса школы, она ведь школу в основном экстерном заканчивала. А после войны неразбериха была, под шумок баба Тоня сделала девочке документы, назвала её своей дочкой и дала ей свою фамилию. И имя поменяла, раньше она была Степанидой. Вот и всё. И что Аля в детском доме оказалась, ты не виновата, это я поспособствовал. Испугался, когда случайно узнал, что она школу пропускает, да комиссия по делам несовершеннолетних её замучила. Вместо того, чтобы помочь девчонке, читали ей нотации и запугивали. Я хотел её у себя оставить, но Аля не захотела. Бабушка Алькина считала Липата большим жуликом, поэтому Альке об отце ничего не говорила, чтобы не травмировать девочку. А почему Мила ей про отца не рассказывала, не знаю.

Они еще долго говорили о превратностях судьбы. Пока их милую беседу не прервал гимн, громко известивший по радио о начале нового дня. И буквально через десять минут тишину больницы опять нарушил громкий злой мужской голос. Алёна Борисовна и Василий Иванович переглянулись и, не сговариваясь, бросились в коридор.

Глава 3

Алька долго лежала с открытыми глазами, сон не шёл к ней. Она ворочалась с боку на бок и никак не могла понять, почему какая-то тревога закралась к ней в душу. Тревогу и неизвестность Аля не любила с детства. Она встала и подошла к кровати Марфы Петровны. Женщина спала. Недолго думая, Аля потрясла её за плечо:

– Марфа Петровна, – позвола она.

– Что? Чего тебе? – недовольно пробурчала женщина. – Почему не спишь?

– Марфа Петровна, мне надо с вами поговорить. Срочно!

– Так и знала, что ты от меня не отстанешь, только не думала, что начнёшь ночью беспокоить. Иди в коридор, сейчас выйду, – Марфа Петровна встала и накинула на плечи халат. Аля вышла в коридор.

– А можно мне с вами? – прошептала Юля.

– Ещё одна нетерпеливая. Ладно, пойдём, всё равно ведь подслушивать будешь.

Юлька быстро выскользнула вслед за Алей. Марфа Петровна вышла через минуту.

– Пойдёмте в столовую, и не шумите.

Они расселись за одним из столов, Марфа Петровна вопросительно посмотрела на девочку.

– Вы можете угадывать будущее? – тихо, почти шёпотом, спросила Аля.

– Угадывать могут все, – ответила Марфа. – Что вы от меня хотите?

– Вы сказали, что у меня будет двое детей. Как вы узнали?

– Ты думаешь, что мне это сверху сказали? – усмехнулась женщина. – Уж не считаешь ли ты, что я действительно общаюсь с богом?

– Честно сказать, мне ужасно хочется верить в какую-нибудь магию, – смущённо призналась Алька. – Я понимаю, что это всё сказки. В детстве представляла себя доброй волшебницей, которая помогает всем слабым и незаслуженно обиженным. Особенно от меня доставалась учителям. Мне всегда казалось, что учителя специально ставят двойки детям, чтобы те переживали и страдали. И это только я такая закаленная, мне двойки были нипочем, я их просто не замечала, вернее, старалась не замечать. Учителя ужасно сердились на моё спокойствие, они ведь не знали, что я волшебница и учиться мне не нужно. Стоить только захотеть, и буду всё знать, не прилагая никаких усилий. Так я мечтала почти на всех уроках, но узнать тайну разных формул и схем у меня никогда не получалось. Я думаю, что есть люди, которые могут знать наше будущее. Возможно, они попадают к нам из других миров через только им одним известные проходы, или из будущего на машине времени. Они знают, что случится много лет вперёд, кто принесёт большую пользу человечеству. И чтобы какая-нибудь случайность не оборвала жизнь этого нужного человека, прилетает к нам спасатель и подстраивает так, что нашему герою ничего не грозит. Он рождается, растёт, учится и в один прекрасный момент награждает человечество каким-нибудь шедевром или гениальным открытием. А вы такая необычная! Может, у Юльки зародился гений, который в будущем спасёт мир от всемирной катастрофы, а вы прилетели к нам, чтобы спасти этого гениального ребёнка? Но если вы прилетели из будущего, то и мою судьбу тоже должны знать. Я понимаю, что это сказки, но как иногда хочется верить в хорошие сказки.

– А почему именно у Юльки должен родиться гений, а не у тебя? – поинтересовалась Марфа Петровна.

– Так ведь это ей хотят сделать аборт, а я буду рожать, как и планировала. Это её судьба зависит от родителей, от каких-то там случайностей, а я сама всё решаю, – пояснила Алька. – Правда, у меня не всегда получается так, как хотелось бы.

– А ты представь, что Кирилл не захочет детей, что будешь делать?

– Буду растить ребёнка без него, одна, как большинство некрасивых женщин. Значит, у меня получится опять не так, как мне хотелось бы.

– Женщин некрасивых не бывает...

– Да, конечно, бывает мало водки, я это уже слышала, – перебила Алька Марфу.

– Ну что ты, девочка, говоришь? Причём здесь водка? Я хотела сказать, что бывают плохо видящие мужчины и не верящие в себя женщины. Но все мы в душе верим, что встретим того единственного, который нас осчастливит. И совсем не обязательно иметь внешность королевы красоты, чтобы стать счастливой. Есть женщины хитрые, есть бесхитростные. Есть, которые сразу признаются мужчинам в своей любви, есть, которые любят поводить мужчину за нос. Есть ревнивые, есть не ревнивые, одним словом, мы разные, но счастья хотим все. Вот ты, Аля, говоришь, что если Васёк тебя бросит, то будешь одна растить ребёнка. А, собственно говоря, почему ты всё время говоришь о том, что он тебя бросит? Я знаю тебя всего три дня и уже не раз об этом слышу. Ты не веришь в любовь Кирилла?

– А откуда вы знаете, что Кирилла зовут Васёк? – поинтересовалась Алька и подозрительно посмотрела на Марфу.

– Я знаю даже больше, чем ты можешь себе представить, – засмеялась Марфа.

– Вот мне и кажется, что вы можете предсказывать будущее.

– А ты хочешь его знать? А если оно тебя не устроит? Ты думаешь легко жить, зная, что не сегодня-завтра с тобой может случиться беда? Может, лучше ничего не знать? Пусть всё идет, как идет? Аль, сама подумай, что будет, если все будут знать своё будущее? Люди перестанут стремиться к лучшему, зачем, если и так всё известно? У Айзика Азизова есть книга, называется «Академии»...

– Я читала, только мне там не всё понравилось. Почему психологи должны страдать, чтобы физики не сидели сложа руки, а сами защищали своё государство? Когда я дочитала последнюю книгу, моему возмущению не было предела. Но потом я подумала, и решила, что физики – это обыкновенные люди, приземлённые, которые не хотят верить в разные чудеса, но почему-то ждут их. Я всё думала, к кому мне отнести себя и пришла к выводу, что я занимаю промежуточное положение, между физиками и психологами. Я хочу верить в чудеса, но понимаю, что это всё сказки. Иногда я чувствую, что поступаю неправильно, но ничего не могу с собой поделать. Мне кажется, что меня кто-то ведёт за собой, а я слепо выполняю его волю, хоть и понимаю, что этого делать нельзя. Нет, я не так выразилась: если я сделаю это, то будет плохо мне, а если не сделаю, то другим. И я стала бояться. Раньше у меня друзей и подруг почти не было, в детском доме я познакомилась с Наташкой и сразу поняла, что она будет мне самой близкой подругой, хотя она и моложе меня на два года. А Ася и Лариса старше меня, но они тоже стали мне подругами, а ведь я Ларису знала и раньше, только тогда она мне казалась совсем взрослой и неприступной. Сейчас я понимаю, как ей тяжело было остаться одной в семнадцать лет. У меня была бабушка, и всё равно я плакала по ночам, что мамы рядом нет. И знаете, ты только, Юль, не обижайся, но мне кажется, если бы моя мама сказала, что мне надо сделать аборт, я бы её послушалась. Только я уверена, что моя мама никогда такого не сделала бы. Марфа Петровна, вы понимаете меня?

– Понимаю, Аля. Так ты веришь Кириллу?

– Я не знаю, я его очень сильно люблю, ничего не могу с собой поделать, мне постоянно хочется знать, где он, с кем и что делает. Мне всё время кажется, что ему грозит опасность и хочется его защитить. И я чувствую, что впереди меня ждут не лучшие времена. Любовь Кирилла кажется мне не реальной, и я постоянно чувствую, что его отношения ко мне временные. Воздух вокруг меня пахнет разлукой и одиночеством. Моё счастье похоже на натянутую струну, одно неверное движение и струна лопнет. И я чувствую, что это движение уже сделано, и сделано не мной или Кириллом, а кем-то третьим. А предчувствия редко меня обманывают. Нас хотят разлучить, мне подбросили фотографию, где мой ненаглядный в обществе красивой

барышни в неоднозначной позе. Фотографию я сожгла. Марфа Петровна, расскажите, пожалуйста, что меня ждёт впереди?

– Алька, тебя надо книжки писать, а не одеждой торговать, – засмеялась Марфа. – Хочу тебя огорчить, я обычная земная женщина, не очень счастливая, которая не знает даже, что будет с ней завтра, не то, что с другими неразумными девчонками. А про детей просто узнала: в ординаторской слышала разговор заведующей с нашим врачом.

– А они откуда знают?

– Они не знают, просто предполагают, они же врачи.

– Так значит, у меня будет двойня? С ума сойти! А откуда вы знаете, что у Демченко не будет детей?

– Какая же ты любопытная! Да ниоткуда не узнала, просто она мне надоела, вот я и решила её позлить. Это надо же быть такой вредной! И как вы её терпите? – удивилась Марфа Петровна.

– Юлька этот вопрос задавала мне уже. Я её совсем не терплю, просто стараюсь не замечать, – засмеялась Аля, – да и другие женщины тоже. А почему вас Марфой зовут? Имя какое-то старомодное.

– Родители пошутили, между собой спорили, как меня назвать. Никак не могли остановиться на каком-нибудь одном скромном нормальном имени. И решили ткнуть пальцем в список имен. Попали в Марфу.

– А как вас в детстве мама с папой ласково звали? – продолжала задавать свои вопросы Алька.

– Папа звал Арфой, а мама – Маруськой. Одноклассники – Марфуткой. Как падчерицу в сказке про Морозко.

– А вы действительно в тюрьме сидели? – продолжала задавать вопросы Аля.

– Почему ты так решила? – удивилась Марфа.

– Вы же сами сказали, что школу жизни проходили не в монастыре, а в более суровых заведениях, – смутилась Аля.

– Девчонки, вашему любопытству нет предела! Не сидела я в лагерях и тюрьмах, и суровыми заведениями бывают не только тюрьмы и лагеря. У вас всё? Можно идти спать?

– А где вы работаете? – Аля не могла унять своё любопытство.

– В КГБ. Удовлетворена?

– Вы не можете работать в КГБ, – возразила ей Аля.

– Почему? – удивилась Марфа.

– У них своя больница есть и вас бы туда положили, а не к нам.

– Ты откуда знаешь про больницу?

– Туда Аську положили, когда у неё воспаление лёгких было, и охрану поставили, чтобы она не сбежала. Чтобы её проведать, надо было пропуск выписывать чуть ли не за подписью самого главного генерала в Москве.

– Но там нет гинекологического отделения. Девчонки, какая вам разница, где я работаю?

– Интересно всё же, вы такая необыкновенная, – сказала Юля. – Я думала, вы можете предсказать мне моё будущее. Что мне делать: рожать или нет?

– Ты как сама хочешь?

– Не знаю. И я боюсь! А вдруг у меня больше не будет детей, и Паша мне припомнит этого ребёнка? Я люблю Пашу, а он мне даже не пишет. Хотя, возможно, он в плавание ушёл?

– В учебке примерно полгода учат, до плавания ему ещё далеко, – возразила ей Аля, – скорее всего его письма до тебя не доходят – их перехватывают твои родители. А ты не жди его писем, а сама ему напиши.

– Ты, Юля, ещё совсем молоденькая, у тебя вся жизнь впереди. Если есть риск потом не иметь детей, то лучше рожать. Даже если твой Паша тебя разлюбит, и ты больше не встре-

тишь никого достойного, чтобы стать твоим мужем, у тебя останется ребёнок. И ты не останешься к сорока годам совсем одна. Сейчас ты меньше всего ты думаешь о ребёнке, а боишься потерять своего Пашу. Ты ошарашена своей беременностью, и ждёшь, что кто-то за тебя может решить твои проблемы. Ты пойми, рожать или не рожать должна решить ты сама, а не твои мама и папа, и тем более не Алька. Ты, Юля, сама не знаешь, чего хочешь, мне кажется, что и в Паше ты не уверена, поэтому и не пишешь ему. Ты не знаешь, нужен он тебе или нет... Заметь, не ты ему, а он тебе!

– Марфа Петровна, что вы говорите?! Конечно, она его любит, и он её любит. У них же ребёнок будет! – возмутилась Алька.

– Да она, Аля, просто катится по наклонной плоскости и зацепилась за сучок, в виде тебя, поэтому и задержалась немного. Она пока самостоятельно ничего не может предпринять и решить, или не хочет.

– Я хочу рожать, – сказала Юля дрожащим голосом.

– Тогда почему ты пришла на аборт?

– Мама сказала...

– Вот, не ты сама решила, а мама сказала, – Марфа ехидно посмотрела на девушку.

– Вы сами сказали, чтобы она рожала...

– Вот, Аля, я сказала, ты сказала, мама сказала... А что сама Юля?

– Вы поймите, она растерялась, она же ещё из детства не вышла, – заступалась за Юлю Аля. – Мне кажется, что если Юля родит, она сделает счастливыми не одного человека. От её ребёнка исходит тепло, такое приятное, ласковое. Что-то мне подсказывает, что Юлька просто обязана родить, хотя я не представляю Юлю мамой. Не вижу я её рядом с детской коляской, как будто это не её ребёнок. Юль, ты только не обижайся.

– Фантазерка ты, Алька, – в шутку сказала Марфа Петровна, но Алька заметила, как женщина окинула её внимательным и изучающим взглядом. – Пойдемте спать, девчонки, – Марфа встала, и первая направилась в палату.

– Я завтра спрошу у генерала, кто она такая? – прошептала на ухо Юле Аля.

– А этот генерал, он кто? – также шёпотом спросила Юля.

– Страшный человек. Он может всё! Он главный кэзэбист в нашей области. А ещё у меня теперь есть знакомый главный милиционер нашей всей области. Главный злодей тоже хотел стать моим знакомым, но его убили.

– Откуда у тебя такие знакомые?

– Сама не знаю, они как-то незаметно появились. Ты потом со всеми познакомишься, и, если твой Паша найдёт себе русалку в море, мы найдём тебе верного мужа среди коллег моих друзей. У них есть хорошие холостые мальчики, особенно хорош Тарас Нелейвода. Блондин, глазки голубенькие, плечи широкие, а какие у него бицепсы! Ты себе даже представить не можешь! И самое главное, у него нет мамы, он живёт в общежитии.

– Алька, прекрати! Меня вполне устраивает Паша! Завтра же напишу ему письмо.

Девушки разошлись по кроватям и через десять минут уже спали.

Глава 4

Алька никак не могла проснуться. Почему в больницах так рано делают подъём, для неё было загадкой. Ведь торопиться некуда! Вначале на шум в коридоре она не обратила никакого внимания, но шум приближался к их палате. Казалось, голос медсестры Марины звучит на всех трёх этажах:

– Молодой человек, сюда нельзя! Что это за хулиганство! Сейчас милицию вызову!

– Зовите! – прозвучал знакомый голос.

– Вы хотя бы халат наденьте, – уже тише, и как-то обречённо, попросила Марина.

Сон у Альки как рукой сняло. Она быстро вскочила, набросила на плечи халат и бросилась к выходу. Дверь распахнулась, и на пороге возник Кирилл.

– Васёк! Ты чего так долго не приходил? – Алька хотела броситься в объятия Кирилла, но он холодно отстранил её.

– Почему я узнаю всё не от тебя, а от своей матери и чужих людей? Ты решила обмануть меня? Так знай, не выйдет! – зло прошипел он ей прямо в лицо.

Алька удивлённо смотрела на него.

– Что случилось? – испуганно спросила она.

– Ты спрашиваешь, что случилось? Случилось то, что ты, маленькая негодяйка, решила прикрыть мною свой грех! – повысил голос Кирилл.

– Какой грех? Я ничего не сделала...

– А твоя беременность? Объясни мне, как так получается, что познакомились мы с тобой четыре месяца назад, а беременность у тебя пять месяцев? Молчишь? Нечего сказать? Хорошо, мать мне открыла глаза! Я бы тебе всё простил, но этого обмана не прощу никогда!

– Васек, я...

– Не называй меня так! Васёк я только для друзей, а ты мне больше никто. Просто очередное неудачное мимолетное увлечение, которое прошло, не оставив в моем сердце никакого следа. И нечего непонимающе хлопать раскосыми глазками! Свои вещи можешь забрать в любое время, мать тебе их отдаст. Но предупреди, когда придешь, чтобы меня случайно не оказалось дома, – Кирилл развернулся и быстро пошёл по коридору к выходу.

Алька смотрела, как он уходит, и не могла понять, о чём он говорил. Да, срок ей действительно ставят больше, чем у неё может быть, но ведь она специально обманула врача, чтобы раньше уйти в декрет. Так делают многие женщины, и Кирилл знал об этом. Она сама ему рассказала, как здорово перехитрила доктора.

Алька не видела вышедших из своих палат поглазеть на неожиданное развлечение женщин и растерянную медсестру Марину, не видела вышедших из кабинета заведующей отделением Иволгина и Кунину. Она видела только уходящую спину Кирилла и понимала, что он уходит навсегда. Когда он свернул за угол, конец коридора потемнел, эта темнота всё ближе и ближе подступала к молодой женщине и, наконец, поглотила её целиком.

Алёна Борисовна бросилась к Альке, а Василий Иванович – догонять Кирилла.

– Васёк, подожди!

Васин замедлил шаг, потом оглянулся и остановился.

– Вы что здесь делаете? – удивился он.

– Какая муха тебя укусила? – проигнорировал его вопрос Иволгин, – устроил тут бесплатное представление. У тебя что, белая горячка?

– Да нет, наоборот, пелена с глаз спала: она ждёт не моего ребёнка, а мне врал! – возмущался Кирилл, – Скажи она правду, я бы ей ничего не сказал, я люблю её и всегда любить буду, мне всё равно, чей у неё ребёнок. Но зачем она врал?

– Почему ты решил, что ребёнок не твой? Твоя мама сказала? Так она тебе что угодно скажет, лишь бы ты Алевтину бросил, – возразил Василий Иванович.

– Генерал, ты что, считаешь меня дураком? Я говорил с её врачом, и она подтвердела мне сомнения моей матери. У неё срок больше, чем время нашего знакомства. Понимаешь, когда мы познакомились, она уже была беременная, а прикидывалась бедной наивной овечкой.

– Ты говорил с Куниной?

– Нет, с Валентиной Андреевной.

– Это кто такая?

– Её лечащий врач. Ведёт их палату.

– А почему с Куниной не поговорил?

– А зачем? Срок меньше не станет, если я даже поговорю с министром здравоохранения. К тому же эта твоя Алёна будет прикрывать Альку, она её с детства знает. Василий Иванович, давай закончим этот разговор, Алька для меня пройденный этап, сегодня же заведу себе новую подругу, сразу же свожу её в ЗАГС и обзаведёмся детьми.

– Быстрый какой! Я если всё же у Альки твой ребёнок? Тогда что?

– Ты что, плохо слышишь? Я же тебе сказал уже – не мой! Жалко стало бедную женщину, которую бросил мужик? Так можешь приголубить сиротку, я разрешаю, – зло сказал Васин.

– Ты мне не груби, я всё же старше тебя и по возрасту, и по званию. А Але я верю, не способна она на ложь. На такую ложь. И ты её сейчас не просто оскорбил и обидел, ты унизил её перед всеми. Она теперь долго не будет верить ни одному мужчине. Ты же только что сказал, что тебе всё равно, от кого у неё ребёнок? Так зачем устраивать представление и строить из себя обиженного и обманутого мужика?

– Я не хочу быть обманутым, не хочу, чтобы она считала меня дураком, которому можно вешать на уши любую лапшу. Я вообще больше не буду верить бабам. Разрешите идти, генерал?

– Не горячись, я на машине, куда тебя отвезти? Домой?

– На службу. Дома мне не хочется появляться, я не могу видеть торжествующий вид матери.

Кирилл был зол. Алька его обманула! Обманула подло, как воткнула нож в спину из-за угла. И почему он был так слеп раньше? Ведь мать предупреждала его, что эта девушка хочет женить его на себе любым путём. А он не верил, думал, что она его любит. Это он её любит! Любит так, что даже не знает, как будет дальше жить.

Неделю назад мать спросила, как так могло случиться, что знаком он с Алей меньше, чем срок её беременности. А когда он рассказал, как Алька перехитрила врачей, рассмеялась ему в лицо:

– Господи, Кирюша, какой же ты балда! Да врачи никогда не слушают беременных, так как прекрасно знают, что те их обманывают.

Кирилл поговорил с лечащим врачом Альки. Алька ему врал! Значит, не зря Семенов так увивался за ней, у них была связь, а она скрыла. Всё, он её вычеркивает из своей жизни.

Аля лежала на кровати и тупо смотрела в потолок. Прошло уже две недели, как Кирилл обвинил её в обмане. Смысл этого обвинения не сразу дошёл до её сознания. Она просто отчётливо поняла, что все её опасения сбываются. Алька готовилась к этому моменту со дня их первой встречи, но не ожидала, что Кирилл поступит с ней так жестоко. Считала, что он просто уйдет в один прекрасный момент и больше не появится в её жизни. Когда она узнала о беременности – обрадовалась. Уж ребёнка Кирилл не бросит. Господи, какая она дура! Да какое ему дело до какого-то там ребёнка?! Она создает ему проблемы, и он нашёл уважительную причину отделаться от неё. Вот только Алька никак не могла понять, почему он решил, что ребёнок не его, ведь у неё кроме Кирилла мужчин не было. Да это и неважно теперь. Важно то, что без него она не сможет жить. Он нужен ей как лекарство больному, как влага растениям и воздух всему живому. А так она просто существует. Ей не хотелось есть, вставать с кровати,

читать и просто говорить. Соседки по палате вначале пытались расшевелить её, но потом бросили свои тщетные попытки. И только Марфа Петровна никак не хотела оставить её в покое. Она приносила ей еду из столовой и заставляла есть. Постоянно что-то у неё спрашивала, и сама рассказывала. Каждый день заходила Алёна Борисовна, но при виде её Аля только плакала. На все вопросы отвечала только «да», «нет», «не хочу» или совсем отмалчивалась. Пытались её расшевелить и подруги – Лариса, Ася и Наташка. Они заходили к ней почти каждый день, приносили что-нибудь вкусное, рассказывали последние новости, но имя Кирилла старались не произносить. Женщины из других палат с нескрываемым любопытством посматривали на Алю, она чувствовала эти взгляды и старалась как можно реже выходить из палаты. Она лежала на кровати и смотрела в потолок. Кирилл снился ей почти каждую ночь: большой, сильный, надежный и ласковый. Во сне он обнимал её, целовал и говорил нежные слова. Просыпаясь, она старалась не открывать глаза, чтобы подольше сохранить любимый образ. Но постепенно иллюзия проходила, Аля понимала, что сон не соответствует действительности, открывала глаза и снова молча смотрела в потолок. Опять напомнили о себе дети. Им явно было тесно вдвоём, и они частенько устраивали потасовки в борьбе за жизненное пространство. Аля положила руку на живот и почувствовала резкие толчки. Она улыбнулась, погладила живот, толчки прекратились. Аля встала, решив умыться лицо. Она случайноглянула в окно и вздрогнула. По тропинке к больнице шёл её Кирилл. Сердечко у Альки тревожно забилося: он вернулся! Но вдруг навстречу Кириллу выбежала Валентина Андреевна в накинутой на белый халат шубе. Она что-то передала ему, они оживленно перекинулись парой фраз, он нежно поцеловал её в щеку, развернулся и пошёл назад, а Валентина Андреевна вернулась в больницу. В другое окно эту же картину видела Демченко, она позлорадствовала:

– Что, хотела такого мужика отхватить, а он сорвался с крючка в последний момент? Так тебе и надо! А то ей, видите ли, мой муж не нравится! Да, пусть он маленький, зато мой. И работа у него престижная, зарабатывает хорошо. А ты теперь помыкайся одна с ребёнком, тогда поймёшь почему фунт лиха. Это тебе наука будет, не осуждай других, честных женщин, раз сама проходимка.

– Ты сама заткнешься или тебе рот силой заткнуть? – не выдержала Марфа. – То же мне, выискалась честная, даже в больничном буфете умудряешься сахар воровать, представляю, что ты таскаешь из детсадовской кухни.

– Не твоё дело, – Александра демонстративно встала, взяла полотенце и прошлепала к умывальнику. Долго чистила зубы и, умывая лицо, громко фыркала.

– Не забудь убрать за собой, – сказала Зина, женщина, лежащая возле двери. – Воды налила, как будто здесь слон мылся.

– Вот ещё, я в уборщицы не нанималась, придёт тётя Даша и подотрёт, ей за это деньги платят, – буркнула Александра в ответ.

– Не хочешь убирать, значит аккуратней надо быть. Слушай, как ты, такая неряха, работаешь поваром, да ещё в детском саду? – удивилась Зина. – А в каком садике ты работаешь?

– В «Ромашке», и тебя совсем не должно касаться, как я работаю.

– Надо записать, чтобы не забыть, а то вдруг придётся ребёнку ходить в этот садик, так я перед твоим начальством прямо поставлю вопрос о твоём соответствии занимаемой должности. Или нет, у меня в санэпидемстанции родительница работает, надо ей шепнуть, чтобы твою кухню чаще проверяли, а то ещё подцепит малыш от тебя заразу какую-нибудь, – Зина взяла блокнот и стала что-то в него писать.

Марфа довольно хмыкнула. Ей явно нравилась эта молодая женщина. Зину положили дня три назад, чувствовала она себя хорошо, задерживаться в больнице не собиралась, от таблеток и уколов отказывалась. Валентина Андреевна пожаловалась Алёне Борисовне, та вначале ругала Зину, потом махнула рукой и сказала:

– Всё равно тебя не выпишу, пока гемоглобин не поднимется до нормы, можешь пока просто отдыхать от своих гавриков.

Так как отдыхать Зине надоело на второй день, вздохнув, таблетки она стала принимать. Работала она в школе первый год после окончания педагогического училища, учила первоклашек читать и писать. В первый же день эти первоклашки и их родители заполонили весь вестибюль и просочились в отделение. Ее тумбочка была забита фруктами, конфетами, разной домашней выпечкой, которую они приносили.

– Зина, а ты в какой школе работаешь? – спросила вдруг Алька.

– В одиннадцатой, а тебе зачем?

– Так это совсем недалеко от моего дома! Я тоже запомню, своих малышей к тебе учиться отправлю.

– Ты сперва роди, подрасти немного, а потом их в школу отправляй, – засмеялась Марфа.

– Рожу и выращу! И если сын родиться, назову Васьком, и пусть Кирилл потом локти кусает, дурак набитый. Матушку свою он слушает. Я ещё ей отомщу обязательно, карга старая, – Алька резко села на кровати, голова у неё закружилась, и она потеряла сознание.

Очнулась уже с капельницей в руке, около её кровати сидела Алёна Борисовна.

– Очнулась? Вот что, девочка моя, в таком состоянии рожать ты не сможешь. Придётся прервать беременность.

– Почему?

– Здоровье у тебя слабое, и ребёнка не родишь, и сама погибнешь. Ты же уже с кровати встать не можешь, чтобы в обморок не рухнуть. Анализы плохие, да и настроя у тебя нет, как я погляжу.

– Есть настрой, я просто резко встала.

– А почему ты не была сегодня на завтраке?

– Я не хотела есть.

– Обедать ты тоже не хотела?

– Мне Наташка с Асей приносят еду.

– Да мы накормим её, Алёна Борисовна. У меня вон, вся тумбочка снедью забита, а сегодня должны прийти Алла Градова и Игорь Артманов, тоже что-нибудь принесут.

– Так к тебе сегодня уже приходил кто-то, и кажется не раз, – удивилась Алёна Борисовна, – у нас по отделению сейчас всё время дети спуют, и как они проходят, ума не приложу.

– Они дежурство установили, решили навещать меня по очереди, по партам. А так как не все могут успеть навестить меня в больнице, вы ведь сказали, что я пролежу десять дней, то решили, утром приходит одна парта, вечером другая.

– Сколько у тебя детей в классе?

– Много, двадцать восемь.

– Это четырнадцать парт получается? Надо запомнить, и раньше, чем через четырнадцать дней тебя не выписывать, чтобы не огорчать детей. Пусть все навещают любимую учительницу, – засмеялась Алёна Борисовна.

– Ой нет, что вы! Мы же к празднику готовимся, спектакль ставим, «Чиполино». Времени совсем мало осталось, некогда мне залёживаться, они больше обрадуются, если я выпишусь. Я по ним уже соскучилась, вы даже представить себе не можете, какие они у меня все славные.

– Что, двоечников совсем нет? Что-то не верится. Я тоже в школе работаю, только у меня четвертый класс, так с некоторыми никак сладить не могу: не учат уроки и всё тут, – вступила в разговор Нина, лежащая рядом с Демченко.

– Есть, конечно, только ведь они же ещё маленькие дети, и относиться к ним надо соответственно. Я никогда не понимала, почему с малышами надо разговаривать как со взрослыми. Думаю, что всему своё время – они ещё успеют вырасти. Сейчас они с удовольствием ходят в школу, для них это игра, и моя задача состоит в том, чтобы научить их учиться, а не отбить

охоту ходить в школу. Дети должны получать знания с удовольствием, а не через слёзы. Я работаю первый год, и соответственно детей мне дали тех, кого другие учителя, более опытные, не взяли в свой класс. И что интересно, среди родителей у меня в классе нет работников торговли, руководителей разного рода. Но стоит мне заикнуться о чём-нибудь, всегда найдётся помощник среди родителей. Мы и в кино ходим все вместе, дети и родители, и в театре были, вместе книжки обсуждаем, теперь вот спектакль ставим, хотим к книжкиной неделе успеть. Костюмы у нас уже готовы, правда, они из бумаги в основном, но всё равно, красивые. А читать и писать они у меня тоже неплохо научились. А вы, Алёна Борисовна, меня здесь держите. Да я у вас закисну, мне срочно нужно на работу!

– Что же будешь делать, когда уйдёшь в декрет? За год они от тебя отвыкнут. Я своих тоже люблю, но с родителями у меня сложно, они постоянно ко мне придираются. Класс у меня, как бы это сказать, отборный. Если к тебе, Зина, попали те, от кого отказались опытные учителя, то мне достался класс, наоборот, детей выбирали по месту работы родителей, и главным критерием было, что они могут достать или чем могут быть полезны. У меня сплошные товароведы, директора баз различных, есть и врачи, одна портниха. А дети их избалованы до предела. Есть один мальчик, папа – большой начальник в потребсоюзе. Мальчишка откровенно говорит, что его папа подарил директору школы шубу, и я ему должна исправить все двойки. А он абсолютный ноль, его надо специалисту показать, пока не поздно, но стоило мне заикнуться об этом, и я получила выговор за то, что плохо его учу. И он не один такой. Дети чувствуют, что я бесправна и ведут себя соответственно. Вот скажите, что мне делать? —с какой-то отчаянностью спросила Нина.

– А я не планирую уходить в декрет, мне рожать в начале августа, в сентябре выйду на работу. У меня нянec хватает – моя бабушка, бабушка Димки, наши родители, есть ещё тётки. У нас очень большая семья, когда все собираемся, то места в доме не хватает. А тебе не повезло, Нина. Ты пришла к детям в четвертый класс, у них уже сложилось своё мнение о школе – негативное. И виноваты в этом не ты и тем более не дети. Система у нас такая, что всё надо доставать. Да и зарплата у учителя такая, что даже директор школы себе не может купить шубу, а что уж говорить про рядового учителя?! А одеться всем хочется, и своих детей одеть и обуть. А тут тебе приносят в подарок сапоги импортные, или шубу норковую, или шапку. В подарок и бесплатно, только надо какому-нибудь оболтусу повыше оценку поставить. Да за такие подарки ему еще золотую медаль дадут! Мне повезло, у меня все родители простые и ничего достать не могут, поэтому и оценки я ставлю по заслугам детей, а не по занимаемой должности их родителей. И директор школы не вмешивается в мои дела, и жалоб нет. А ты, Нин, не расстраивайся, через год наберёшь первачков, и всё нормально будет. Или к системе приспособишься, я думаю, нам всем придётся приспособливаться, и не только в школе. Вот ты, Аля, тоже работник торговли, но много ли ты можешь достать?

– Смеёшься? У меня же нет больших денег, чтобы дефициты покупать. Но вообще-то, я пока в основном живу на тех запасах, которые мне сделали мама и бабушка. И надо сказать, запасы хорошие, где они доставали, я не интересовалась. А в нашем отделе дефицита нет, но у меня хорошая знакомая в нашем магазине товароведом работает, так она смеется, говорит, что если бы ты знала, что продаёшь, у тебя инфаркт случился бы. Если честно, то что-то по мелочи достать я могу. Всё же я училась с девчонками, которые работают во всех сферах торговли, но шубу нам никому пока не потянуть.

– Вот именно! И директор Нининой школы тоже не может на свою зарплату купить шубу, но ей её подарили бесплатно. Почему? У кого-то денег много и их некуда девать? Нет, просто этому кому-то шуба тоже досталась бесплатно. Он её или украл, или заплатил сущие копейки. Почти весь дефицит по накладным имеет цены не высокие, и только на чёрном рынке цена возрастает, – кипятилась Зина.

Алёна Борисовна слушала Зину, снисходительно улыбаясь. Сама она часто принимала подарки от благодарных пациенток и не видела в этом ничего предрассудительного. Правда, шубы ей не дарили. В основном дарили конфеты, книги, хрусталь. Одна пациентка работала в магазине «Мелодия» и подарила ей набор пластинок классической музыки. Этому подарку Алёна Борисовна была особенно рада. Самой стоять в очереди у неё времени не было, а музыку она любила, особенно Бетховена и Баха. И откуда только узнала?!

Усмехаясь про себя, слушала Зину и Марфа Петровна. Зина находилась в том возрасте, когда кажется, что стоит только объяснить, что такое хорошо и что такое плохо, и все будут делать только хорошо и не будут плохо. И искренно не понимала, почему никто не понимает такой простой истины. Марфа Петровна бегло посмотрела на лежащих в кроватях женщин. И вдруг её взгляд наткнулся на лицо Альки. Девушка удивлённо смотрела на Нину, на лице явно читалась активная мыслительная деятельность. В глазах появились любопытные чёртики, которых Алька пыталась удержать внутри, слегка прищурив глаза.

– Нина, а как выглядит подаренная шуба? – спросила Аля, пытаясь придать своему голосу как можно больше беспечности и простого женского любопытства. Но при этом она чуть заметно задержала дыхания, ожидая ответа.

– Шубка у неё такая коротенькая, чуть выше колена, серая, я сама не понимаю ничего в мехах, но девчонки говорят, что из голубой норки. Хорошая шубка, я бы хотела такую иметь, – мечтательно сказала Нина.

– И кто, ты говоришь, ей её подарил? – последовал следующий вопрос Альки.

При этом любопытные чёртики всё же выпрыгнули наружу и глаза приобрели выражение охотничьей собаки, идущей по следу. Марфа Петровна почувствовала тревогу и не дала Нине ответить на вопрос:

– Да какая разница, кто подарил? Нечего другим завидовать, надо самим жить по совести. Не война ведь, и все мы одеты и обуты.

Но Марфа Петровна плохо знала Альку. Её не так-то просто было сбить с толку, она проигнорировала высказывания Марфы и задала следующий вопрос:

– А когда он ей её подарил, хотя бы примерно, ты знаешь?

– К Новому году. Во всяком случае, она в ней пришла после зимних каникул, а до этого ходила в обыкновенном заячем полушубке.

– Да, очень интересно. Алёна Борисовна, меня ещё долго будут в больнице держать?

– А ты как сама думаешь? Я тут сижу с тобой потому, что мне делать нечего? Буквально меньше часа назад ты валялась без чувств. Вот перестанешь в обмороки падать, тогда посмотрим. – Алёна Борисовна хорошо знала Альку, поэтому спросила. – К тебе Владимира Юрьевича позвать?

– Нет, не надо пока, я попробую сама разобраться. А отпустить на денёк нельзя? – не сдавалась Алька.

– Нет, нельзя. И если, не дай бог, ты вздумаешь покинуть больничные стены без моего на то разрешения, приму строгие меры, даже жестокие. Сейчас снимут капельницу, поставишь заснуть. Твоя излишняя активность мне тоже не нужна, – Кунина встала и направилась к выходу.

– Алёна Борисовна, я как же я? – спросила Юля.

– Что ты?

– Что со мной будет? Мама с папой ко мне больше не приходят. Вы с ними говорили?

– Говорила, Юля, и хочу сказать, что ты меня разочаровала. Ты как преподнесла нам свою историю? Родители узнали о твоей беременности и пригрозили выгнать тебя из дома, если ты не сделаешь аборт. А вот они говорят другое: это ты пригрозила им, что уйдешь из дома, если твоя мама надумает рожать. Ты чувствуешь разницу?

– Не правда, мама мне сказала, что в восемнадцать лет рожают только совсем распущенные девицы, которые не думают о будущем. И это она договаривалась, чтобы мне аборт сделали, они с отцом не хотели, чтобы я родила.

– Думаю, что вы наговорили друг другу много гадостей, – вздохнула Алёна Борисовна, – но из дома родители тебя не выгоняли.

– Тогда почему они не навещают Юлю? – приподнялась на локтях Аля.

– А ты спроси у неё самой...

– Мама не хочет, чтобы я встречалась с Пашей, и с самого начала не хотела.

– Юля, твоя мама тоже, как и ты, беременна, возможно, она не всегда сдерживает свои эмоции. Вы обе должны пойти друг другу навстречу, должны поддерживать друг друга.

– Но она же уже старая! – возмутилась Юля.

– Ты считаешь, что тридцать шесть лет это уже старость? – усмехнулась Алёна Борисовна.

– И что же мне делать? Получится, что мой ребёнок будет ровесником моего братика или сестрички? Вот ужас! Да меня засмеют в институте!

– Почему ужас? Таких случаев сколько угодно. Кстати, у тебя всё нормально, ты абсолютно здоровая женщина, и мы тебя не выписываем только потому, что не знаем, куда ты пойдешь после больницы. Но держать вечно тебя здесь нельзя, поэтому планируем тебя выписать на этой неделе. Ты где собираешься жить? У родителей? – спросила Алёна Борисовна. – Из дома они тебя не выгоняли, как ты тут нам наплела, но отношения у вас натянутые и встречаться на кухне вам будет тяжело. Ведь не только твоя мама должна пойти тебе навстречу, но и ты ей. Ей, Юля, тоже сейчас нелегко.

– Она у меня поживёт, дом большой, живу я одна, места нам вдвоём хватит, – ответила за Юлю Аля. – А потом она помирится с родителями, вернётся её Паша и все заживут счастливо. А я её провожу, покажу ей дом. Можно, хотя бы на один часик?

– Перестань канючить и помни, Аля, с тобой вопрос открытый. Или ты берёшься за ум, или сама знаешь, пугать я тебя не хочу, но положение твоё серьёзное. Ладно, девчонки, пойду я, заговорила тут с вами. До завтра. – Алёна Борисовна встала, ещё раз тревожно и внимательно посмотрела на Альку, и вышла из палаты.

Глава 5

Конечно, Алька не заснула. Она лежала с закрытыми глазами и вспоминала дела не так давно минувших дней.

В городе стали пропадать молоденькие девушки и молодые женщины. Среди пропавших была и подруга Наташка. Аля и Ася бросились искать ее. Выяснилось, что у Наташки есть два брата. Один из них – Алексей, работал врачом вместе с Алёной Борисовной, был женат, они растили маленькую дочку Лидочку, которой всего было два месяца. Про второго брата ничего известно не было, кроме имени – Михаил. О том, что эти братья где-то существуют, Наташа знала ещё в детском доме, но ни разу их не видела. Алексей нашёл Наташу сам, и предупредил о грозящей ей опасности, а буквально через три дня Наташа пропала. А ещё через три дня Асе позвонил мужчина, назвался братом Наташи и сообщил, что девушка вышла замуж. Звонил не Алексей. Разумеется, ни в какое замужество Наташки подруги не поверили, поэтому и продолжали её искать. Поиски вывели их на некоего Михаила, который пытался закрутить роман с Алей и еще с одной пропавшей девушкой – Жанной, но получил отпор от обеих. Михаил был симпатичным высоким блондином с красивыми серыми глазами, пухлыми страстными губами. Девушки, знакомясь с Михаилом, были очень довольны, в первые два часа, потом они не знали, как от него отделаться. Он оказался нудным, самовлюбленным и злым. Аля встречалась с Михаилом недели две, Жанна чуть больше. Так вот, этот Михаил тоже подарил Жанне шубку из голубой норки. Но шуба исчезла, а когда о шубе узнал Володя, очень разнервничался и накричал на них. Из достоверных источников девушки выяснили, что партия меховых изделий пропала со склада торгодежды. Милиция предполагала, что Жаннина шубка из этой партии, но их предположения так предположениями и остались. И вот ещё один дорогой подарок из голубой норки. Что это, случайность? В такие случайности Алька не верила. Она лежала с закрытыми глазами и в её голове роились мысли: «Хорошо бы посмотреть на эту шубку, но шубы Жанны я не видела, зато её видели Ася и Лариса. И хотя сейчас март, но на улице мороз под двадцать градусов, самое время носить шубу. Надо позвонить девчонкам, рассказать о шубе, пусть кто-нибудь из них сходит к школе и посмотрит этот директорский подарок. У телефона постоянно кто-то вертится и спокойно поговорить не дадут, надо как-то попасть в кабинет к Алёне Борисовне, когда той там не будет. В кабинет к заведующей вечером, как правило, никто не заходит. Но как достать ключ? Конечно, я могу его выкрасть на вахте или у самой Алёны, но тогда придется объясняться, если попадусь. И ещё не ясно, что обо мне может подумать тётя Алёна, вдруг решит, что я хочу у неё что-то украсть? Ведь не поверила же она в своё время, что это не я писала „похоронки“, и даже меня ударила. Вот уж Демченко порадует, если меня поймают. Кстати, а куда же делась эта толстуха? Её кровать стоит аккуратно заправленная, может выписали? Хорошо было бы, а то она вызывает у меня тошноту и головокружение. Вот чёрт, у меня, кажется, начались умственные затруднения: полчаса думаю, как достать ключ от кабинета Куниной, чтобы позвонить девчонкам, а они ко мне должны прийти после тихого часа. Вот когда они придут, и мы обсудим этот вопрос, связанный с шубой!»

Приняв решение, Аля улыбнулась и уснула.

Марфа Петровна наблюдала за Алей, на лице которой отражалась вся её мыслительная деятельность, и думала, что так могло заинтересовать девчонку в этой шубе? И что она задумала? Что Алька не просто так задавала вопросы Нине, Марфа не сомневалась. Спросит её открыто? Так соврёт или постарается свести всё к шутке. Нет, надо больше о ней узнать. Кто, что, когда, с кем и зачем? Марфа ещё раз взглянула на Альку и увидела, что та спала, улыбаясь во сне.

Вечером Алька с нетерпением ждала Наташу и Асю. Увидев подруг в окно, она быстро бросилась в вестибюль, однако, у лестницы её перехватила Алёна Борисовна.

– Ты куда это так несёшься? – недовольно спросила Кунина.
– Там ко мне Ася с Наташкой пришли.
– И что? Зачем же бежать? Насколько я помню, тебя разрешено посещать в палате.
– Алёна Борисовна, мне надо посекретничать с девчонками, а в палате обязательно кто-нибудь будет подслушивать.
– Ладно, для секретов я уступлю тебе свой кабинет. Полчаса вам хватит?
– Хватит.
– Тогда подожди у кабинета, я сама встречу твоих подруг, проверю, что они тебе принесли, – усмехнулась Кунина и направилась вниз по лестнице.

Ася и Наташа пришли к Альке сразу после работы. Они не стали заходить в магазин и покупать ей колбасу, конфеты и печенье, так как знали, что Алька всё равно почти ничего не ест, а захватили из дома изюм и курагу. Во-первых, Алька любила сухофрукты, а во-вторых – полезно. Передачей Алёна Борисовна осталась довольна. Она запустила подруг в кабинет и отправилась по своим делам. Девушки уселись на диван, и Алька рассказала им всё, что слышала от Нины.

– Ты думаешь, что это Жаннина шуба? – спросила Ася.
– Всё может быть, но мне кажется более вероятным, что эта шуба из украденной партии. Правда, тут у меня неувязка выходит. Папаша нерадивого ученика работает в облпотребсоюзе, пост занимает не маленький, ему проще украсть шубу официально, а не взламывать ночью склад, – поделилась своими сомнениями Аля.

– Это ты хорошо сказала: украсть официально, – засмеялась Ася. – Что будем делать? Расскажем о своих подозрениях мужикам?

– А вдруг мы не правы, и шуба куплена законным путем, а папаша просто дал взятку? Или он её любовник? Только представьте, как они над нами смеяться будут. Нет, давайте сами всё узнаем, а уже потом расскажем ребятам, – не согласилась Наташа.

– А что мы можем узнать? Похожа шуба директрисы на Жаннину или нет? И только?! – возразила Ася.

– Хотя бы это. Потом можно что-нибудь разузнать про этого папашу, его связи, материальное положение и так далее. Я спрошу Нину про него, а вам придется понаблюдать за ним. Я бы и сама последила, но меня выписывать не хотят, – Аля обречённо вздохнула.

– Последить, конечно, можно, но вот только когда? Днём я и Ася работаем, просить Ларису – язык не поворачивается. А в субботу и воскресенье, когда мы свободны, он может даже из дома не выходить, – с сожалением произнесла Наташа. – Да и Виктор мой быстро заподозрит неладное, он теперь за мной следит в оба глаза, даже на работу несколько раз на дню звонит.

– Девчонки, у меня идея! Где-то в моем кухонном столе лежит пара маленьких круглых штучек, немного похожих на батарейки от кварцевых часов. Они остались от Кирилла, вернее, я их у него на всякий случай утянула. Это подслушивающие устройства, если их незаметно воткнуть где-нибудь в кабинете папаше, или в квартире, то можно слышать его разговоры, – глаза у Альки загорелись, она говорила торопясь, проглатывая слова, словно боялась, что её перебьют и не дослушают до конца.

– И как ты себе представляешь это? Ты сама пользоваться этими устройствами умеешь? А как их устанавливать? И как в квартиру к этому папаше попасть? – задала свои вопросы Наташка.

– Я не знаю, как ими пользоваться, но могу узнать у кого-нибудь. Меня частенько навещает Лёшка, а он ими пользоваться умеет, это точно. Я как бы невзначай его спрошу, – Але нравилось своё предложение, и отказываться от него ей не хотелось.

– Подслушивающее устройство лучше подбросить в машину папаше, в квартире он навряд ли решает свои делишки. Не забывайте, что у него есть ребёнок и жена. Значит так,

ты, Алька, узнаешь у Алексея, как пользоваться приборами. Ты, Наташа, поговори с Дарьей Сергеевной или с генералом.

– Ни в коем случае! – перебила Асю Алька, – генерал сразу заподозрит неладное, и Дарья тоже. Давайте я сначала спрошу Алексея, и если от него ничего не узнаю, тогда будем искать другие пути.

– Лёша сразу генералу доложит. Он сильно переживает гибель жены, и винит себя в её смерти. Говорит, что если бы сразу поставил генерала в известность, куда и зачем поехал, Надя была бы жива, – тихо проговорила Наташа.

– Но тогда, вполне возможно, что не было бы нас с тобой, Наташа, в живых. Саймон выиграл пари, и ты ему больше была не нужна. Хотя за тебя, может быть, заступился бы Хозяин. А вот мне пришлось бы туго! Михаил был обозлен, что у него отобрали Жанну, и ему надо было выместить на ком-то своё зло. Псих ненормальный! – Аля поежилась. – А генерал и так знал, куда он поехал.

– Псих, да ещё и ненормальный? Это как же понимать? Нормальный псих – это сумасшедший, а ненормальный, значит – не сумасшедший? – усмехнулась Ася.

– Ася, псих – он и в Африке псих! Девчонки, давайте хоть на время забудем про Михаила? Меня при одной мысли о нём тошнить начинает. Сейчас мы хотим узнать, какая шуба у директрисы и откуда её взял Папаша.

– Хорошо, – согласилась Ася, – завтра я схожу к школе и посмотрю на шубу. Хотя бы мороз не спал, а то директриса вздумает надеть не шубу, а что-нибудь полегче.

На этом деловую часть разговора они закончили и принялись просто за женский треп. И только через полтора часа Алёна Борисовна разогнала подруг. Ася и Наташа отправились по домам, а довольная Алька в палату. Войдя в палату, Алька сразу наткнулась на внимательный и подозрительный взгляд Марфы.

– Вот чёрт, – ругнулась Алька про себя, – опять забыла узнать, кто она такая!

Марфа наблюдала за Алькой и поражалась произошедшей с ней переменой. Утром Аля вставала самая первая, быстро чистила зубы, умывалась и исчезла из палаты. Появлялась только к завтраку. Правда, завтрак, состоящий из каши и чая, она, как и раньше, игнорировала. Зато долго шепталась с Ниной, что-то ей рассказывала и смеялась. Стоило Альке остаться одной, как на её лице появлялась озабоченность и задумчивость. Потом Марфа заметила, что Алька что-то пишет в маленький блокнотик. После обхода она опять исчезала. Несколько раз Марфа пыталась вывести у Альки, чем она занимается, но потерпела фиаско. Алька только смеялась, а на все вопросы Марфы говорила, что завела себе любовника и бежит к нему на свидание. Где она могла найти любовника в гинекологическом отделении больницы, где даже среди врачей было всего три мужчины, причем один уже пенсионного возраста, Алька не уточняла. Да Марфа и не верила ей. О каком любовнике может идти речь, если только при мысли о Кирилле у Альки на глазах появлялись слёзы? Марфа решила выяснить, кто же она такая. Для начала она попросила мужа выяснить всё, что известно о Голубевой Алевтине Липатовне. Муж долго молчал, а потом поинтересовался, зачем ей Голубева. Марфе Петровне очень не нравилось, когда муж не бросался выполнять её просьбы по первому требованию, а начинал выяснять, зачем ей это надо. Она уже собралась выразить ему своё недовольство, но он опередил её:

– Только не закатывай мне здесь скандал, пожалуйста. Я прекрасно понимаю, что у тебя отнюдь не женское любопытство. Немного зная эту особу, могу предположить, что она, а вполне возможно и вы обе, что-то задумали. Поэтому ответь мне на вопрос, зачем тебе нужно знать о Голубевой?

– Ты не угадал, у меня как раз просто чисто женское любопытство. Не так давно её парень устроил тут представление, публично обвинив в измене. Вот мне и стало интересно, что она за человек? – усмехнулась Марфа Петровна.

Пётр Иванович ей не поверил. Он знал Кирилла, знал от генерала, когда и какие обвинения тот предъявил Альке. Так почему его жена заинтересовалась девчонкой только сейчас, когда прошло две недели? Да потому что Голубева её заинтересовала только сейчас!

- И что конкретно ты хочешь узнать? – спросил он усмехаясь.
- Кто она такая?
- Обыкновенная молодая женщина двадцати двух лет от роду.
- Ты её знаешь? Откуда?
- Сталкивался по работе.
- Она была замешана в чем-то криминальном?
- Как тебе сказать? Ты о маньяке, снимавшем на кинокамеру свои зверства, слышала?
- Слышала, причём здесь Аля?
- Аля с подругами пыталась поймать его, но сама попала к нему в лапы. Вернее, девицы искали не его, но там всё так переплелось, мы до сих пор распутать не можем.
- Кто её родители?
- Она родилась вне брака, мать была врачом, бабушка – штукатуром-маляром.
- А об отце её что-нибудь известно?
- Известно, и очень многое. У тебя всё? – недовольно поинтересовался Пётр Иванович.
- Петя, ты её хорошо знаешь?
- Нет, раньше только знал, что она внебрачная дочь Лапицкого.
- Так она дочь Липата? Я могла бы и раньше догадаться, всё же имя Липат очень редкое.
- Об отце Алька не знает, и ты её не просвещай, для её же пользы.
- Понятно. Слушай, но ведь жена Лапицкого умерла несколько лет назад, почему же вы не говорите ей про отца?
- Не надо! – твёрдо ответил Вальцев.
- Девочке тяжело одной...
- Марфа, её не бросит Иволгин, он её опекает с пеленок.
- Это не то! Как ты не понимаешь?! Ей нужен родной человек, который её не бросит в любой ситуации...
- Не волнуйся, генерал её не бросит в любой ситуации, – усмехаясь, перебил жену Вальцев.
- Не понимаешь ты меня, Петя, – вздохнула Марфа.
- Понимаю. Ты просто пока плохо знаешь Альку. Всё Марфа, допрос закончен. Лучше скажи мне, как ты себя чувствуешь? – перевёл разговор на другую тему Пётр Иванович.
- Хорошо, Петя. Меня тут держат в основном из-за возраста. Но скоро, я думаю, выпишут. Так что тебе немного осталось от меня отдохнуть, – засмеялась Марфа.

Дальше разговор касался только их двоих. Пётр Иванович всё ещё не верил, что жена теперь всегда будет рядом и ей не надо больше всё бросать и лететь в неизвестность, а ему страдать и мучиться от тревоги за неё. Скоро она родит ему сына, и будет заниматься только им. У него будет горячий обед и ужин, и каждый день его будет провожать на службу и встречать со службы любимая женщина, не всегда им довольная, частенько капризная, но такая милая и родная. А он постарается сделать всё возможное, чтобы она как можно реже была им недовольна, постарается окружить своим вниманием и заботой.

Интерес жены к Голубевой ему не понравился, но он решил не выяснять суть дела, а переадресовать проблему генералу. А самому ссориться с женой совсем не хотелось. Кроме того, его жена была очень хорошим специалистом, и сама может прекрасно разобраться в сложившейся ситуации. Пётр Иванович посмотрел на жену, и ему вдруг так захотелось её поцеловать, что он не удержался и попытался обнять её. Но Марфа стала его отталкивать:

- Петя, ты что, с ума сошёл, люди смотрят, – возмутилась она.
- Ну и пусть смотрят и завидуют. Я тебя люблю! – засмеялся он.

– Тоже мне, любитель нашёлся! Вот скоро приду домой, тогда и давай волю чувствам, а то как поделиться со мной сведениями о скромной продавщице магазина он не может, а как целоваться, так всегда пожалуйста. Хочешь целоваться, делись сведениями! – смеясь, поставила условия Марфа.

Что муж знал об Альке больше, чем ей рассказал, Марфа не сомневалась. Но она узнала о ней самое главное: Алька любила совать свой нос в криминальные дела. И, скорее всего, нашла себе такое дело.

– Я рассказал всё, что знал. А ты занимаешься вымогательством, дорогая. Придётся мне применить силу, чтобы хоть немного удовлетворить свои потребности, как мужчине, – он опять попытался поцеловать Марфу.

– Петька, неудобно! Смотри, как на нас тётя Даша смотрит. Знаешь что, завтра пятница, если меня не выпишут, я отпрошусь у Алёны на выходные домой. Надеюсь, ты будешь дома?

– А как же ты оставишь без присмотра свою Голубеву? – язвительно спросил Пётр Иванович.

– А она никуда не денется. Её домой точно не отпустят, а в стенах больницы ей ничего не грозит, – серьёзно ответила Марфа.

Алька, удобно устроившись в подушках, читала книгу, обернутую в белую бумагу, чтобы не было видно названия. Однако Марфа очень быстро выяснила, что за книгу она читала, и тихонько посмеивалась над ней. Книга называлась «Сказки народов мира». Очередная сказка так увлекла будущую мамашу, что она даже не заметила, как в палату вошёл Алексей. Он взял стул и сел напротив Альки. Некоторое время, улыбаясь, смотрел на неё, потом тихонько кашлянул. Аля оторвалась от книги и взглянула на мужчину.

– Лёша, привет! Я даже не заметила, как ты пришёл, – радостно прошептала она, прикидывая в уме, как ей подойти к вопросу о подслушивающих устройствах, чтобы не вызвать подозрения. Спросить его прямо она побаивалась, уж очень подозрительно Алексей смотрел на неё. Начать решила издалека.

– Вот, читать совсем нечего, поэтому решила почитать сказки и увлеклась. Представляешь, как техника шагнула вперёд?! В сказках был ковер-самолет, в жизни появился самолёт. В сказке наливное яблочко катится по блюдецке, а в жизни телевизор. И ещё много чего придумали, мы про всё выдумки научно-технического прогресса даже и не знаем. А всё равно, в сказке лучше, чем в жизни, – мечтательно проговорила Алька.

– Это ещё почему же? – усмехнулся Алексей.

– Да в сказке всё по мановению палочки получается, а в жизни нет. Помнишь «Аленький цветочек»? «Хочешь, Настенька, услышать голос батюшки?» – спросило чудище, щёлкнуло пальцами, и услышала Настенька голос батюшки.

– Что-то я такого в сказке не помню, – возразил Алексей.

– Ты просто давно сказку читал, вот и забыл. А в жизни, если захочешь услышать, что о тебе другие говорят, надо подслушивать, подглядывать. И то не всегда узнаешь, что хотелось бы. Правда, придуманы подслушивающие устройства, которыми в кино разведчики пользуются. Но в кино тоже всё просто, как в сказке. Лёша, а ты умеешь пользоваться «жучками»?

– Скажи, пожалуйста, чего это вдруг тебя заинтересовали подслушивающие устройства? – серьёзно спросил Алексей.

– Кого? Меня? Да они меня несколько не интересуют, мне просто интересно знать, как они работают, из чистой любознательности, так сказать, в порядке повышения общеобразовательного уровня. Вот две маленькие штучки, похожие на батарейки от кварцевых часов, если

одну поставить в одну комнату, а другую – в другую комнату, то что нужно сделать, чтобы услышать разговор? Никак понять не могу. Не пальцами же щёлкнуть?!

– Да, пальцы здесь не помогут, – согласился с ней Алексей, – нужна специальная аппаратура.

– Значит, если у нас есть две эти маленькие батарейки, услышать разговор мы всё равно не сможем? – разочарованно спросила Алька.

Алексей молча рассматривал её сквозь подозрительный прищур глаз. Ему было ясно, что Алька что-то задумала. И видно, что её задумка летит в тартарары, что, сказать по правде, его порадовало. Вот только не понятно, про какие батарейки она говорит? Неужели она каким-то путём умудрилась достать «жучки», но не знает, как ими пользоваться, вот и затеяла этот разговор о сказках? И почему она обратилась к нему? Считает его таким простачком, у которого можно выведать всё, что угодно? Он усмехнулся, что ж, пусть так и дальше думает:

– Да, одни «жучки» тебе не помогут. Ты же смотришь фильмы про шпионов? И видела, наверное, что неподалеку от объекта слежки всегда вертится какая-нибудь машина, в которой сидят суровые не улыбочивые мужчины и внимательно слушают что-то через специальную аппаратуру.

– Значит, нам нужна будет машина, – вслух подумала Аля.

– Алевтина, что ты задумала? – строго спросил Алексей.

– Я? – удивилась она. – Абсолютно ничего. Просто так спросила. Лёш, почему, если я что-то спрашиваю или чем-то интересуюсь, значит, сразу что-то замышляю? Просто я любопытна от природы, только и всего.

Аля поняла, что надо переводить разговор в другое русло и спросила его о Лидочке. Алексей понял её уловку, но решил ей подыграть. Он охотно рассказывал о дочери, но глаза его смотрели внимательно и настороженно. Алька даже предположить не могла, каким опасным и вредным может быть сидящий перед ней мужчина: он решил принять все меры, чтобы ограничить общение девушки с внешним миром.

Глава 6

Ася пришла к школе за полчаса до уроков и замёрзла, стоя на крыльце и поджидая директора. Екатерина Викторовна Сониная опаздывала на работу. Вернее, задерживалась, потому что начальство не опаздывает, оно только задерживается. Но опаздывала директриса или задерживалась, Асе было всё равно: она замерзла, и, как всегда от холода, начала зевать. Она уже совсем было собралась идти в ближайший магазин греться, когда около школы остановился вишневый «москвич», из которого вышла женщина средних лет, помахала рукой водителю и быстро направилась в школу. На женщине была шуба, похожая на шубку Жанны, но только похожая. Беглого взгляда хватило Асе, чтобы уловить различия. Шубы были явно из одного материала, но разных размеров и предназначались для женщин разных возрастов. Жаннина шубка была молодежного фасона, а шуба Екатерины Викторовны предназначалась зрелой женщине, хотя и молодой. Ася перевела взгляд на машину и попыталась рассмотреть номер, но он сливался у неё в размытое пятно. «Да, – подумала девушка, – старею, уже и номер не могу рассмотреть. Придется подходить ближе».

На плохо гнущихся от мороза ногах, Ася направилась к «москвичу». Она едва успела рассмотреть номер, как машина тронулась с места и стала удаляться.

Выполнив задание, Ася пошла греться в ближайший магазин под названием «Сувениры». Его полки были заставлены разными глиняными игрушками, куколками в национальных костюмах, картинами неизвестных художников и, что особенно понравилось Асе, матрешками. Она долго любовалась ими, но не покупала, хотя и хотела. Цены на них были такими, что можно было подумать, что внутри у них спрятано по маленькому бриллианту. Бросив последний взгляд на полюбившихся ей матрешек, Ася вышла из магазина и направилась на работу.

Наташин стол пустовал.

– А где это наша Наталья бродит? – спросила Ася.

– Так её сегодня с утра не было, – услышала она в ответ.

Ася удивилась. Вчера Наташа не говорила ей, что куда-то собирается. Звонки подругам ничего не дали, о местонахождении Наташи они не знали. Не знал и Виктор. Остальным она даже не стала звонить, а поехала к Наташе домой.

Наташа проснулась с головной болью и режью в глазах. Она нехотя встала и направилась в ванную, побрызгала себе на лицо холодной водой, вытерлась пушистым махровым полотенцем, а потом пошла и снова легла в кровать, решив поспать еще немного. Проснулась от настойчивого звонка в дверь. Девушка встала, накинула на плечи фланелевый халат и нехотя поплелась открывать дверь. На пороге стояла недовольная Анастасия Григорьевна.

– Ты что, спишь? Знаешь сколько времени? – набросилась Ася на Наташу.

Наташа смотрела на подругу и свою непосредственную начальницу в одном лице и никак не могла понять, о чём она говорит и что от неё хочет. Про какое-то время, какую-то работу. Да наплевать ей сейчас на работу! У неё ужасно болит голова, першит в горле и постоянно хочется кашлять. Наташа прокашлялась и снова взглянула на Асю. На лице подруги появилась тревога.

– Наташа, что с тобой? Ты заболела? – забеспокоилась Ася.

Этот простой вопрос вернул девушку к действительности. Она вдруг ясно поняла, что просто заболела, а значит, ей не надо сегодня идти на работу, и можно снова лечь в кровать и спать. Наташа улыбнулась и радостно сообщила:

– Заболела, у меня болит голова, кашель и насморк.

– Радоваться нечему, – Ася пощупала подруге лоб, – у тебя температура высокая. Где градусник?

– А у меня нет градусника, – виновато ответила Наташа, – Ася, можно я полежу ещё немного?

– Конечно, глупенькая, ложись, а я сбегаю вызову врача, – Ася быстро вышла из квартиры и позвонила в дверь напротив, так как точно знала, что у тёти Маши есть телефон. Однако, дверь ей не открыли, по всей видимости, соседки не было дома. Вздохнув, Ася пошла на улицу искать телефон-автомат. Искомый телефон нашёлся только у «Торгового центра». Но сколько Ася ни крутила диск, в трубке слышались только противные короткие гудки. «Так я тут торчу полдня, а толку не будет, и почему у них всё время занято?» – подумала Анастасия и набрала номер Ларисы, так как знала, что та находится дома, а имея под рукой телефон, можно вызывать врача хоть весь день. Однако, трубку снял Владимир Юрьевич, Ася сообщила ему о болезни подруги и попросила вызвать врача. Затем позвонила на работу и предупредила, что сегодня больше не придет, зашла в аптеку, купила аспирин и градусник и вернулась в квартиру к Наташе. Девушка не спала, просто лежала в постели с закрытыми глазами. Ася села рядом с ней на кровать и взяла её за руку.

– Я позвонила Володе и попросила его вызвать врача, зашла в аптеку, купила аспирин и градусник. Для начала давай температуру смерим.

Ася сама поставила градусник Наташе и пошла на кухню ставить чайник. Через полчаса приехал Владимир Юрьевич, потом появился Виктор, а ещё через десять минут Стас. Врач пришёл только в три часа дня, когда в поликлинику по очереди позвонили Володя, Стас и Виктор. Врачом оказался старичок с усами и бородкой, похожий на фотографию Антона Павловича Чехова. Ася даже представить себе не могла, что в наше время ещё сохранились такие экземпляры. Старичок разделся, обвёл всех взглядом, усмехнулся и представился:

– Антон Павлович – участковый врач.

– Чехов? – удивлённо переспросила Ася.

– В вы шутница, милочка, – засмеялся врач, – Старцевы мы. И кто из вас, молодые люди, болен?

– Проходите, – мужчины расступились, и Ася провела доктора к Наташе.

Антон Павлович не задержался у постели больной.

– Значит так, молодые люди, кто из вас родственник больной? – спросил он.

– Я, – ответил Виктор, увидев взгляды друзей, смутился и пояснил, скорее для них, чем для доктора, – будущий родственник.

– А остальные кто?

– Остальные просто друзья, – ответила Ася.

– Так вот что, будущий родственник и просто друзья, у девушки корь, так что вы не толкались бы здесь, а обеспечили бы ей покой.

Антон Павлович на листке бумаги написал лечение и ушёл, а минут через десять в дверях появилась Алька. Она была в телогрейке темно-синего цвета, из-под которой виднелся больничный синий фланелевый халат, на ногах большие тапки с цифрой 9, написанной голубой масляной краской. На неё все уставились с удивлением и смотрели, открыв рты, несколько минут.

– Ты что, так по городу шла? – наконец обрел дар речи Владимир Юрьевич.

– Нет, меня подвёз Боря на больничной машине, через полчаса он за мной заедет и отвезёт обратно в больницу. А вы что здесь делаете? Меня ловите? – Алька была ошарашена не меньше остальных.

– А тебя что, надо ловить? – быстро спросил Гришаков.

– Конечно надо, один внешний вид чего стоит! – заржал Сергиенко.

– Да ладно вам, чего налетели на человека? – заступилась за подругу Ася.

– А её сюда никто не звал, так что пусть берёт ноги в руки и шурует в больницу, – зло сказал Сергиенко.

– Стас, прекрати! – велела ему Ася.

– А ты помолчи! Люди из-за неё жизнью рисковали, а она?! Чуть ли не босиком по городу бегает! И, хотелось бы нам знать, почему ты приперлась сюда средь бела дня? Ведь Наташка должна быть на работе, о том, что она заболела, тебе еще никто не сообщал. И ещё один вопрос у меня: как ты вошла в квартиру? Я хорошо помню, что закрыл дверь за врачом.

– Не ваше дело! У нас договоренность с Наташкой была, вот я и приехала. Или мне уже нельзя даже с подругой общаться? И нечего мне указывать, где и когда я должна быть! – возмутилась Алька.

– Чтобы я тебя, Алевтина, здесь не видел! – Стас с силой ударил кулаком по столу.

– Стас, ты не прав! – попробовала остудить Сергиенко Ася.

– Что значит я не прав? Да ты знаешь, что корь заразна?! А для беременных она вдвойне опасна. Я где-то читал, что если женщина во время беременности переболеет корью, то потом ребёнок может родиться уродом.

– Это не корь опасна для беременных, а краснуха!

– Да какая разница? Краснуха ведь не какая-нибудь, а коревая! Ася, не спорь со мной!

– Но Алька могла корью и в детстве болеть, так что зря ты так разволновался, – пыталась остудить пыл Стаса Ася.

Однако рассуждения друзей о кори и краснухе, Аля не слышала. Она выбежала из квартиры, спустилась на первый этаж и остановилась у окна. Никто за ней не высочил и не попытался успокоить. Значит, все они, кроме Аси, конечно, осуждали её и не верили ей. Аля еле сдерживала слёзы. Ей было очень обидно, и первый раз она подумала о Кирилле плохо. Он ей задурил голову, клялся в любви, втёрся в доверие к её бабушке, а потом бросил. И нет, чтобы честно сказать, что полюбил другую. Ту, что красивее, образованнее, так ведь придумал историю, что это она, Алька, его обманула. Аля вытерла глаза ладошкой и тяжело вздохнула. В больнице у неё теперь тоже будут неприятности, так как Алёне Борисовне об отлучках её из больницы уже сегодня же кто-нибудь из друзей её ненаглядного Кирилла донесёт. Наконец, показалась серая машина с красным крестом, это Боря приехал за ней, Аля вышла на улицу и села в машину. Через пятнадцать минут она вошла в палату с независимым видом, быстро разделась и юркнула под одеяло.

Неприятности не заставили себя ждать. Кунина влетела в палату как фурия, она подошла к Альке и сдернула с неё одеяло. Алька села на кровати.

– Где ты была, Голубева? – спросила Алёна Борисовна, негодуя сверкая глазами.

Алька сидела на кровати, низко опустив голову, и молчала. Она, конечно, могла бы придумать ряд мест, где она могла быть в тихий час, но прекрасно понимала, что Кунина не просто так налетела на неё. Ей уже доложили, что она ездила к Наташе.

– Так, одевайся и ко мне в кабинет! – велела Алёна Борисовна, резко развернулась и вышла из палаты.

Аля сидела ещё минут пять не шевелясь, потом надела халат и снова села на кровать. Марфа Петровна поняла, что Аля попала в очередную переделку. Она подошла и села рядом с ней на кровать.

– Аля, хочешь, я поговорю с Алёной Борисовной? – тихо спросила она.

– Не надо, Алёна Борисовна всё равно прочтает мне свою нотацию. Это, конечно, неприятно, но пережить можно. Дело не в ней. Мне сегодня сказали, что не хотят меня больше видеть. И никто, кроме Аси, за меня не заступился. То есть, они тоже не хотят меня видеть, – с дрожью в голосе проговорила Аля.

– Кто это – они? – спросила ее Марфа Петровна.

– Володя, Виктор и Стас. Володя – муж Ларисы, Виктор – друг Наташи, а Стас – Аси. Понимаешь? Если мужчины потребуют от девчонок, чтобы те прекратили со мной общаться, у меня никого больше не останется. Я останусь совсем одна.

– А Юля? Василий Иванович?

– Юля ко мне в больницу даже ни разу не пришла. У неё своя компания, институтская. А Василий Иванович... Не могу же я ему о своих проблемах рассказывать, он же мужчина и, скорее всего, примет сторону Кирилла.

– Голубева, мне долго ждать? – донесся из коридора недовольный голос Алёны Борисовны.

Аля встала и вышла из палаты, а Марфа Петровна так и осталась сидеть на Алькиной кровати. Однако, через пять минут дверь палаты опять открылась и на пороге возникла негодующая Кунина:

– Голубева! – увидев вместо Альки Марфу Петровну, Алёна Борисовна остановилась и вопросительно посмотрела на неё.

– Где она?

– Ушла на ваш зов, – ответила Зина. – Алёна Борисовна, вы не ругайте Альку, она уже столько лежит в больнице, что поневоле будешь на стенки бросаться и искать приключения на стороне. Вы уж простите её, если она что-то сделала не так, пожалуйста.

– Да не съем я вашу Альку, но поругаю её как следует. Вы знаете, что она сговорилась с нашим водителем Борей, и он выступает у неё личным водителем, возит, куда ей нужно? Вижу, что знали. А теперь скажите мне, кто из вас не болел корью?

Женщины молчали.

– Что, все болели? Это хорошо. Ладно, девчонки, пойду искать Альку, а то будет под лестницей сидеть, пока не посинеет, дурочка, – Алёна Борисовна вышла из палаты и прямым ходом направилась к чёрному ходу. Алька сидела под лестницей на ящиках и плакала. Кунина села на ящик рядом.

– И что, ты не могла поплакать у меня в кабинете, в тепле и уюте? Обязательно надо было в эту курилку бежать?

– Вы меня выпишите?

– Нет.

– Почему?

– Не хочу. Аля, мне надоело говорить тебе одно и то же. Пойдём в кабинет, а то вся дрожишь.

В кабинете Алёна Борисовна сделала Альке крепкий горячий чай и молча ждала, когда та согреется. Весь пыл её прошёл, но поругать девчонку надо было. Алька же, старалась пить чай не торопясь, оттягивая неприятный разговор. Ей хотелось побыть одной и вдоволь нареваться. Она вдруг поняла, что ей напоминало её житье последние месяцы. Детский дом. В их спальне тоже было восемь кроватей, только вместо весёлых и беззаботных девчонок, теперь соседками её были взрослые беременные женщины разных возрастов. У всех своя судьба и свои переживания. А в детском доме у них было всё общее: общие дела, общие заботы, общая любовь к учителю физкультуры Ивану Степановичу – Ваняше, как они его звали за глаза. Кабинет завуча их детского дома похож на этот кабинет заведующей отделением, со шкафами со стеклянными дверками, в которых стояло много папок, большой двухтумбовый стол, кожаный диван. И она на кожаном диване ждёт нагоняя от доброй Натальи Петровны. Вот только вместо доброй Натальи Петровны строгая Алёна Борисовна, которую Алька боялась и любила. Боялась потерять и любила как маму. Аля подняла на Кунину глаза и тихо попросила:

– Тётя Алёна, вы не ругайте меня сегодня, пожалуйста, ладно? А то я сейчас могу лишнего наговорить, потом сама сожалеть буду, а я последнее время только и делаю, что сожалею о чём-то. Моя жизнь из одних сожалений и состоит последнее время.

– Видишь ли, Аля, очень трудно тебя не ругать, ты совсем не хочешь меня слушать. Я ведь запретила тебе покидать больницу? Вот скажи мне, почему ты разгуливаешь по городу, да ещё полураздетая?

– Я только один раз съездила к Наташе.

– Не ври, Аля. Все твои отлучки мне прекрасно известны. Я контролирую тебя и знаю, что в тихий час ты эксплуатируешь Бориса. Скажи, ты что, не хочешь родить здорового ребенка?

– Мне теперь всё равно, меня никто не любит, и детей моих тоже любить не будут. Иногда мне хочется жить в глухом-глухом лесу, и чтобы рядом кроме верного пса да ласкового кота никого не было.

Кунина смотрела на эту маленькую женщину, которая в скором времени собиралась стать мамой, хотя ещё и сама, в сущности, была ребёнком. И которая больше всего на свете нуждалась сейчас в материнской помощи и заботе. Которая любит сама и очень хочет, чтобы любили её, но которая упорно не хочет верить в любовь других к себе.

– Успокойся и не говори глупости. Я тебя люблю, Наташка любит, Ася. Тебе мало?

– Зато Володя, Стас и Виктор меня терпеть не могут! А значит, они запретят своим женам со мной общаться.

– Аля, миленькая, да Володя, Стас и Виктор каждый день мне звонят и интересуются твоим здоровьем. Они переживают за тебя, волнуются. Ты знаешь, что твоя Наташка умудрилась где-то корь подцепить?

– Корь? Так ведь ею только дети болеют! – удивилась Алька.

– Не только, Аля. Взрослые болеют тоже. Стас испугался, что ты тоже можешь заболеть, поэтому и накричал на тебя.

– А ваша Валентина Андреевна гуляет с моим Кириллом, – сказала вдруг Алька и заплакала.

Алёна Борисовна погладила её по голове.

– Аля, это свойство мужчин, гулять с разными женщинами, твой Кирилл не исключение. Ты молоденькая, встретишь ещё своего принца, который предпочтёт тебя всем другим принцессам.

– Это вы меня просто успокаиваете. У меня же ребёнок будет, даже два ребёнка, а принцы предпочитают принцесс бездетных.

– Аля, я ведь давно предлагала тебе прервать беременность. Одно твоё слово, одна моя запись в твоей карточке и на следующий день поставим тебе капельницу и вызовем роды, – Алёна Борисовна испытывающее смотрела на Альку.

Алька положила руку на живот и почувствовала ощутимый толчок. Её дети не хотели, чтобы от них избавлялись! Аля улыбнулась:

– Нет, Алёна Борисовна, они же живые, дерутся у меня в животе между собой, они уже часть меня. Если с ними случится что-то нехорошее, мне будет плохо. И я буду их любить и никому не позволю их обижать. А Кирилл? Да бог с ним, пускай гуляет с Валентиной, только видеть её мне становится всё труднее и труднее. Она смотрит на меня с каким-то превосходством и презрением, как победитель на побежденного. Но Кириллу нужна такая жена, как я, а не она.

– Это ещё почему? – удивилась Кунина.

– Я верная, чтобы с ним не случилось, я всегда буду рядом и никогда его не брошу. Я люблю его и буду любить всегда, чтобы с ним не случилось. А Валентина Андреевна, хоть она и старше меня, но ещё не представляет себе, что у него за работа, что он в командировки часто уезжает, она будет его пилить, пилить и он, в конце концов, от неё всё равно сбежит. Алёна Борисовна, вы меня понимаете?

– Понимаю, Аля. Мой жених тоже был милиционером и погиб за две недели до свадьбы. А Коля мой на него даже не похож, он похож на моего папу, – тяжело вздохнула Кунина, – ладно, Алька, иди в палату. Но учти, если ты ещё раз попадешься мне на глаза не в стенах больницы, пеняй на себя. Это моё последнее предупреждение.

Алька перестала плакать и хитро посмотрела на доктора.

– И что вы мне сделаете? Выпишите из больницы? Тогда я прямо сейчас и нарушу ваш больничный режим!

– Нет, я тебя не выпишу, даже и не мечтай, а посажу под ключ, и в туалет будешь под конвоем ходить по часам, – серьёзно ответила Алёна Борисовна. – А сейчас отправляйся в палату, за тебя девчонки уже просили, чтобы я тебя сильно не ругала. А ты говоришь, что тебя никто не любит.

Едва Аля вошла в палату, как на неё уставились несколько пар любопытных глаз.

– Поругали и простили, – коротко сообщила им Аля, – я пообещала быть умненькой и благоразумненькой, как Буратино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.